

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра русского и общего языкознания

на правах рукописи

УДК-494.3:491.7

ЭШБЕКОВА ИРОДА АНАРБАЕВНА

Туркменские вкрапления в русских текстах

5А 120102 – Лингвистика (русский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание академической степени магистра

**Работа рассмотрена и допущена к защите
руководитель**

Научный

25 мая 2013 года

проф. Малиновский

Е.А. _____

Зав.кафедрой русского и общего

языкознания _____ доц.Ряснянская Р.А.

Самарканд – 2013

Содержание

| | |
|--|----|
| Введение | 4 |
| Глава 1. История изучения взаимовлияния и взаимообогащения русского и тюркских языков..... | 11 |
| §1. Понятие о русском языке, о тюркском языке, о туркменском языке..... | 11 |
| §2. Взаимовлияние и взаимообогащение русского и тюркских языков. | 20 |
| Выводы по I главе. | 31 |
| Глава 2. Условия и причины проникновения туркменских слов в русском языке, их лексико – семантические и стилистические особенности..... | 32 |
| §1. Условия и причины проникновения туркменских слов в русский язык. | 32 |
| §2. Лексико-семантические и стилистические особенности туркменских заимствований в современном русском языке. | 38 |
| Выводы по II главе. | 59 |
| Глава 3. Освоение туркменских слов русским языком. | 60 |
| §1. Грамматическое оформление туркменских слов в русском языке..... | 60 |
| §2. Графемно-фонетическая передача туркменских слов в русском языке. | 70 |
| Выводы по III главе:..... | 81 |
| Заключение | 82 |
| Список использованной литературы..... | 85 |

Введение

Обогащение словарного состава языка - процесс длительный. Он начинается с образования нового слова или нового значения уже существующего слова. Постепенно новые слова, как и старые, становятся многозначными, между значениями устанавливается постоянная семантическая связь, или происходит забвение внутренней формы и образование новых корней и основ. Люди в процессе речевой деятельности образуют значительно больше слов и их значений, чем фиксирует язык. Чтобы слово или его значение было усвоено языком, необходима общественная потребность в этом слове многих людей и закрепление его употребление. Язык, представляя собой динамическую систему, находится в состоянии постоянного развития, что является естественным способом его существования. Развитие языка направлено на его совершенствование и обогащение функциональных возможностей. В сфере лексики это развитие всегда протекало активнее по сравнению с другими уровнями языковой системы, сегодня характер этих изменений особенно интенсивен. Именно слово является фиксатором всех тех преобразований, которые можно наблюдать на современном этапе развития общества. Изменения, происходящие в языке, связаны, как правило, с развитием и усовершенствованием известных сфер и появлением новых областей его применения. Это политика и юриспруденция, рынок и рыночные отношения, область компьютерной техники, кибернетики и электроники, банковского дела и финансов, бирж и налогов, область шоу-бизнеса и т.п. В современном мире появляется большое количество предметов и понятий, требующих номинации, осуществляемой в процессе сознательной словотворческой деятельности человека. Активизация механизмов процесса интенсивного словопроизводства свидетельствует о динамике языкового сознания современного человека. Лингвистами отмечается постоянное пополнение

языка новыми словами, разнообразными по строению и семантике, отражающими все стороны жизни народа. Поскольку процессу номинации подвергаются семантически сложные понятия и явления действительности, требующие развернутого и, как правило, сложного наименования, то на первоначальном этапе номинации создаются структурно сложные конструкции, в связи, с чем возникают многокомпонентные в содержательном и структурном отношении единицы. Однако все возрастающий темп жизни, тенденции к абсолютной экономии и мобильности все увеличивающегося потока информации становятся причиной неприемлемости сложных, зачастую труднопроизносимых наименований.

Следует отметить, что одним из видов обогащения словарного состава являются заимствования слов и выражений. Ещё А.С.Пушкин отмечал склонность русского языка обогащаться за счёт заимствований из других языков. Он называл его «переимчивым и общежительным в своих отношениях к чужим языкам». По мнению В.В.Виноградова, «на протяжении всей истории русский язык с необычной широтой и свободой пользовался словами и выражениями чужих языков, погружая их в русскую низложенную стихию и ассимилируя с ней». Это и естественно, т.к. жизнь народов не протекает изолированно. Контакты на любом жизненном уровне – торговом, дипломатическом, культурном, просто добрососедском – фиксируются в словах и оборотах: то интернациональных, то известных только языкам соседям. Заимствующий язык всегда активен: он приспособливает чужое к своим нуждам. Даже гипернаучные налоговые термины внутри каждого языка осложняются их же функциональными особенностями. Проследивая историю слов и их жизнь в одном языке, мы невольно раскрываем и межъязыковые связи, обогащая себя дополнительными связями. Перед нами обнажаются, с одной стороны, взаимосвязь между разными языками, между языком и обществом, а с другой познаём особенности определённого колорита в определённых социальных условиях.

Заемствованные слова – это не коллекция иноязычных слов в русском языке. В заимствующем языке происходит активное усвоение чужого языка. Иноязычное слово, входящее в чужой язык, вначале представляют собой, по словам профессора Смирницкого А.И., «более или менее бесформенный кусок лексического материала, получающий новую оформленность лишь в системе и средствами другого языка, языка заимствующего» («Лексикология английского языка» М.1956 г.). Другими словами, язык, активно заимствуя чужие слова, подчиняют их своей фонетической, семантической и грамматической системе.

Однако есть особый пласт чужих слов, стойко удерживающих свою автономию в заимствующем языке. Чужие слова вторгаются в иной язык, в иную речь, не меняя не своего значения, не своей формы. Вместе с тем их значение в контексте, в общем замысле достаточно велико. Выражения такого рода являются средством особой выразительности. Эквивалент – синоним в родном языке снимает в данном случае не только особую стилистическую функцию, но грозит потерей определённого оттенка в значении чужого слова. Часто такие слова называются экзотизмами. Как особый тип лексических заимствований, они сообщают национальную, локальную окраску описанию, т.к. явственно связаны с бытом, культурой той или иной стороны, того ли иного народа. Экзотизмы имеют, таким образом, вполне определённую смысловую и стилистическую функцию. (Термин «экзотизм» выходит к греческому «*exotikos*» - чуждый, иноземный, необычный («ехо»- снаружи, вне).

В какой – то мере уже усвоенное значение экзотизма позволяет ему дальнейшее движение в чужом языке, вживание в новую языковую среду.

Среди заимствований особое место занимают тюркизмы, в том числе туркменизмы. Близкое соседство туркменских народностей (половцев, печенегов, хазар), военные столкновения с ними, а затем и монголо-татарское нашествие оставили в русском языке туркменские слова. Туркменские слова в русском тексте описываются нами в связи со всеми

возрастающим процессом двуязычия, так как контактирование любых языков предполагает существование какой-либо разновидности билингвизма. Сам процесс заимствования представляет собой результат попеременного обращения отдельного индивида или языкового коллектива к двум языковым системам. Особой разновидностью является текст, который функционирует в виде конкретных композиционных систем (художественные произведения, статьи и т.д.). Слова переходят из одного языка в другой, когда для этого имеются достаточные условия. Главным условием лексического заимствования признаётся двуязычие. Одним из каналов, через который проникают туркменизмы в русскую речь и осваиваются в ней, являются средства массовой коммуникации и художественная литература. На обогащение русской литературы и языка туркменизмами оказывают определённое воздействие туркменские писатели Туркменистана. Туркменские слова включаются в русский текст не только из-за необходимости номинации, но и в стилистических целях.

Выбор темы настоящего исследования обусловлен тем, что проблема изучения туркменско-русских языковых контактов, а именно туркменских элементов в русском словарном составе, имеет небольшую традицию. Первоначальная наша задача выделить различные лексические туркменские заимствования из общей массы заимствований, функционирующих в языке художественной литературы туркменских писателей Туркменистана конца XX - начала XXI века. Исследования проводились на текстах художественных произведений туркменских писателей в различных аспектах (семантический, фонетический, грамматический, этимологический, функциональный, сравнительно-сопоставительный и др.). Объектами научных наблюдений стали туркменские заимствования определенных тематических групп (названия растений, животных, одежды, построек и строительного дела, предметов домашнего обихода, наименования лиц, военная лексика, лексика пищи их место и роли в языке художественных произведений, семантическое и формальное освоение туркменских слов и

выражений в русских текстах и др.). При анализе туркменизмов мы использовали толковые словари русского языка и переводные русско-туркменские и туркменско-русские.

Актуальность исследования. Несмотря на наличие известного количества научных трудов, посвященных туркменским заимствованиям русского языка, по мнению исследователей "ощущается недостаток, в обобщающих работах и в работах по современному периоду". Актуальность обусловлена также активизацией процессов заимствования и освоения туркменизмов, которые являются одной из характерных особенностей настоящего периода развития системы русского языка, ибо туркменские слова и выражения (шире тюркизмы) всегда пополняли русский язык. Это происходило и происходит устным и письменным путём.

Цель настоящего исследования состоит в теоретическом и практическом обосновании вопроса о места и роли туркменизмов в современном русском языке. На материале изучения текстов художественной литературы писателей Туркменистана конце XX – нач. XXI вв. с различных точек зрения, мы пытались определить их семантико-тематическую принадлежность и изучить морфологические, синтаксические и стилистические особенности туркменизмов.

В зависимости от цели намечены следующие **задачи**:

1. рассмотреть понятие «туркменизм»;
2. выявить тематические группы туркменских заимствований;
3. осветить основные пути и причины заимствований туркменизмов;
4. рассмотреть, как они осваивались и функционировали в художественной ткани произведений, т.е. изучить процесс взаимодействия туркменского и русского языков на лексико-семантическом уровне, раскрыть сущность семантического освоения туркменских слов и выражений.

Степень изученности темы. Исследование туркменизмов на материале современной русской литературы Туркменистана не проводилось, не были выявлены и описаны процессы заимствования, не была проведена

количественная оценка корпуса туркменских лексических заимствований в русском языке.

Лексико-фразеологический состав русского языка, как и любого другого функционирующего языка, состоит из исконных и заимствованных слов и выражений. Заимствования из туркменского источника образуют значительный пласт лексики русского языка. Изучение причин и путей проникновения туркменизмов в русский язык, а также их фонетико-морфологическая и лексико-семантическая адаптация являются одной из основных проблем исторической лексикологии славянских языков, решение которой имеет как практическое, так и теоретическое значение.

Предметом исследования являются туркменские слова и фразеологизмы, встречающиеся в художественных произведениях и текстах различных статей, журнала «Дружба Народов» (с 2001 по 2012 гг.) определение их роли и места в ткани исследуемых произведений.

Объектом нашего исследования являются туркменизмы в русском языке, конца XX – нач. XXI вв с точки зрения их семантики, сферы применения и функционирования в языке художественных произведений туркменских писателей.

Теоретическая значимость. Результаты проведённого исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки теории туркменских лингвистических заимствований, вопросов терминологии и упорядочения некоторых аспектов лексикографии.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть использованы при разработке методики межъязыковых контактов, при чтении лекций как по современному русскому языку (разделы «лексикология и фразеология»), при составлении туркменско – русских и русско – туркменских словарей, при выполнении студентами дипломных и курсовых работ.

Научная новизна исследования заключается в том, что исследование туркменизмов на материале современной русской литературы Туркменистана не проводилось, не были выявлены и описаны процессы заимствования, не была проведена количественная оценка корпуса туркменских лексических заимствований в русском языке.

Материалом исследования послужили тексты художественных произведений туркменских и русских писателей Туркменистана кон. XX – нач. XXI в. Тиркиша Джумагельдиева (роман «Энергия страха, или голова жёлтого кота»), Берды Мурадовича Кербабаева (рассказ «Весна на земле туркменской»), Хыдыра Дерьяева (повесть «Судьба»), Курбандурды Курбансахатова (рассказ «Тойли Мерген»), Каюма Тангрикулиева (роман «Золотая чаша»), Сапармурата Ниязова лирический сборник («Рухнама», «Весна моей духовности», «Дорогие мои»), Александра Ивановича Аборского («Душа брата», «Земной рай»), Д.Г. Рыбина (романы «Море согласия», «Государы и кочевники»), П.Карпова (роман «Чёрная пасть»), Р.Эсенова (повесть «Крушение Великого Турана») и др.

Структура работы. Магистерская диссертационная работа состоит из Введения, основной части, содержащий три главы: **Глава 1.** История изучения взаимовлияния и взаимообогащения русского и туркменских языков. **Глава 2.** Условия и причины проникновения туркменских слов в русский язык, их лексико-семантические и стилистические особенности. **Глава 3.** Освоение туркменских слов в русском языке, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1. История изучения взаимовлияния и взаимообогащения русского и тюркских языков.

§1. Понятие о русском языке, о тюркском языке, о туркменском языке.

Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Без языка человеческое общение невозможно, а без общения не может быть и общества. Без языка не может быть и мышления, т.е. понимания человеком действительности и себя в ней. Сам язык изучается специальной наукой, название которой лингвистика. Лингвистика изучает звуковую строй языка, значение слова, строение слов и их образование, формы слов и сочетание слов в речи. Морфология и синтаксис составляют один раздел лингвистики – грамматику.

Язык - явление общественное, он создаётся на протяжении длительного исторического периода. Язык возник в глубокой древности. Он помогал людям понимать друг друга, трудиться сообща, а также обмениваться накопленным опытом и знаниями.

Русский язык - это язык, созданный русским народом, на котором он строит свою культуру; для русского человека он – родной язык.

До XIV века существовал древнерусский язык как общий язык предков украинцев, белорусов, русских. Таким образом, русский язык принадлежит к восточной группе славянских языков. В эту группу входят украинский и белорусский языки. Кроме восточной группы, среди славянских языков есть ещё и южная группа (болгарский, сербскохорватский, словенский, македонский языки) и западная группа языков (польский, словацкий, чешский и некоторые другие языки). Все славянские языки являются близкородственными языками, имеют много общих, сходных по грамматике и фонетике. В XIV веке произошло разделение восточно – славянского языка (в связи с формированием русской, белорусской и украинской нации) и с этих пор существует русский язык.

Вместе с развитием общества развивался и изменялся сам язык. Все изменения в языке происходят постепенно и не всегда заметны в течение жизни одного поколения. Наиболее устойчивым является синтаксический строй языка, наиболее изменчивым – его лексический состав. Именно лексика особенно быстро откликается на всё новое, что появляется в общественной жизни, науки, технике, искусстве, быту. Например, сравнительно недавно вышли в нашу речь такие слова, как *атомоход, дизайн, креатив, хоризма, хай-тек, нанотехнологии, андроид, менеджмент, марсоход* и т.д.[71]

Так как язык – явление общественное, никто по своему усмотрению не может его изменить, исправить. И если можно назвать несколько придуманных кем-то слов, вошедших в обиход, то случаи эти единичны. Что же касается грамматики, то здесь трудно говорить о каком либо вмешательстве в русский язык, пусть даже и выдающегося деятеля.

Всё это свидетельствует о языке как об устойчивой системе своими единицами.

Орфоэпия как наука о правилах произношения слов появилось в русском языке в XVIII веке, первоначально орфоэпическая норма называлась нормой московского говора. В XIX веке появляется петербургская норма. В XX веке появились две лингвистические школы, они установили для себя свою норму. Орфоэпические нормы охватывают фонетическую систему языка. Фонетика – это наука, раздел языкознания, изучающий звуковую сторону языка, то есть способы образования и акустические свойства звуков, их изменения в речевом потоке. Фонетика предполагает фонетическую, транскрипцию слов – это точная передача звучащей речи графическими средствами. В содержание орфоэпии входит произношение отдельных слов и групп слов, а также отдельных грамматических форм в тех случаях, когда произношение их не определяется фонетической системой, например, произношение [шн] на месте сочетания чн (ску[ш]но) или [в] на месте г в окончании – ого, - его(то [в]о, е[в]о). В обычном разговорном произношении

наблюдается ряд отступлений от орфоэпических норм. Источниками таких отступлений нередко являются родной говор и письмо.

Первые написанные кириллицей тексты появились у восточных славян в X веке. После крещения Руси в 988 году возникла книжная письменность. Переписывались преимущественно богослужебные книги. Оригиналами для восточнославянских рукописных книг служили в основном рукописи южнославянские, восходящие к трудам учеников создателей славянского письма Кирилла и Мефодия. В процессе переписки происходило приспособление языка оригиналов восточнославянскому языку, и формировался древнерусский книжный язык – русский вариант церковно – славянского языка. Отдельно от книжной письменности на Руси развивалась некнижная письменная традиция: административная – судебные тексты, официальное и частное делопроизводство, бытовые записи. От книжных текстов эти документы отличались как синтаксическими конструкциями, так и морфологией. Особое положение занимают граффити. В большинстве своём это молитвенные тексты, написанные на стенах храмов. Написание слов изучают графика и орфография. Графика – совокупность знаков, используемых в данной системе письма вместе с правилами, устанавливающими соответствие между знаками (графемами) и звуками (фонемами). Орфография – это система правил о написании слов и их форм. Написание многих русских слов поддерживается традицией. В основе таких написаний лежит традиционный принцип. Есть в русском языке и такие слова, написание которых соответствует их произношению (зачастую это слова, заимствованные из других языков). Более распространённым в русском языке является морфологический принцип – морфемы всегда пишутся одинаково.

Ударение в русском языке нефиксированное (разноместное) и подвижное (перемещается в разных грамматических формах одного слова). Ударение в русском языке служит для различения грамматических форм слова.

Так как работа непосредственно связана с лексикой русского языка хотелось подробнее рассмотреть этот вопрос. Лексика – это словарный запас языка. Лексикология – это наука о лексическом составе (русского) языка.

Слово – это основная лексическая единица языка, которая является комплексом звуков, обладающим значением и употребляющиеся в речи, как самостоятельное целое.

Лексическое значение слова – это закреплённое в сознании говорящих соотносённость звукового комплекса и языковой единицы с тем или иным явлением действительности. Оно значение необходимо для того, чтобы выражать понятие. Понятие - это отражение в сознании людей общих и существенных признаков явления действительности, представление об их свойствах, сходство или различие с другими предметами. Основная функция лексики – номинативная или назывная, она заключается в назывании понятий.

Также существует обобщающая функция (одно слово называет разные предметы, например различные типы столов) и оценочная функция, то есть экспрессивно – эмоциональная. Грамматическое значение – это характеристика слова, относящая его к той или иной части речи. Оно необходимо для того, чтобы классифицировать лексику. Все слова имеют грамматическое значение, но не все имеют лексическое значение слова[73].

Лексика русского языка является предметом изучения многих поколений учёных. Словарь Даля раскрывает значения около 200 000 лексических единиц. Их количеству постоянно растёт. Лексический состав русского языка тесно связан как с этимологией, так и историей русского народа и поздней России. Лексика русского языка отличается наличием как ряда общих, так и целой группой отличительных черт по сравнению с другими славянскими и прочими индоевропейскими языками. В целом лексический состав русского языка характеризуется заметным преобладанием славянских по происхождению элементов. В письменной и научной речи важную роль играют хорошо адаптированные

интернационализмы греческого и латинского происхождения. Помимо этого выделяются лексические пласты разноязычного происхождения, хотя удельный вес каждого из них в целом незначителен[17].

По своему происхождению лексика русского языка разделяется на две большие группы: исконную и заимствованную.

Исконная лексика подразделяется на следующие группы:

Общеиндоевропейскую (*овца, бык, волк, брат, дочь, мать, один, два, три, четыре и т.д.*);

общеславянскую (VI – VII вв. *лист, дуб, сосна, черёмуха, горох, овёс, чеснок, дом, кров, курица*);

восточнославянскую (период Киевской Руси XI- XII вв. *хороший, белка, зяблик, сорок, сегодня*);

собственно – русские (XV в., *обои, обложка, голубцы, итог, обман, опыт и мн.др.*)

По количеству иностранных слов русский язык в целом занимает сбалансированную позицию в кругу славянских языков. Несмотря на приток слов неславянского происхождения в русский язык на протяжении 400 лет, большую часть заимствований составляют заимствования из других славянских языков, в первую очередь, это церковнославянизмы, составляющие до 10% лексики русского языка.

Другую значительную группу ранних заимствований составляют группы слов тюркского происхождения – тюркизмы. Также в русском языке много слов из греческого, латинского, английского, французского, немецкого языков.

На лексику современного русского языка немалое влияние оказали те языки, с которыми русский длительное время контактировал. Это восточногерманский, греческий, тюркский и мн.др. В данной главе будет рассматриваться именно взаимовлияние русского и тюркских языков. Тюркские языки — семья родственных языков алтайской макросемьи, широко распространённых в Азии и Восточной Европе. Область

распространения тюркских языков простирается от бассейна реки Лены в Сибири на юго-запад до восточного побережья Средиземного моря. Общее число говорящих — более 167,4 млн. чел.

Тюркология располагает целым рядом классификационных схем, предлагавшихся различными учеными и построенных на разных принципах. Среди них классификации В. В. Радлова, Н. И. Ильинского, Н. Ф. Катанова, Ф. Е. Корша, Г. Х. Ахатова, Н. А. Баскакова, М. Т. Дьячка, А. Н. Самойловича и др. Среди наиболее ранних (X—XI вв.) следовало бы упомянуть классификацию Махмуда ал-Кашгари. Принципы классификационных схем варьируют в зависимости от удельного веса принимаемых дифференциальных лингвистических признаков, учета географического признака, а также данных истории тюркских народов.

Общепризнанным является противопоставление болгарской и собственно тюркской (общетюркской) группы — их разделение произошло на рубеже н. э., вероятно, во II в. н. э. Собственно тюркские, учитывая по возможности все известные на сегодняшний момент идиомы, можно было бы разделить на: языки рунических надписей; горно-алтайские (центрально-восточные) языки; карлукские языки — карлукско-уйгурские и карлукско-хорезмийские; кыпчакские языки; огузские языки; саянские (тобаские) языки; хакасские (кыргызские) языки; якутские языки.

Центрально-восточные языки имеют значительное сходство одновременно с кыпчакскими и хакасскими, что препятствует однозначному отнесению их соответственно к первой или ко второй группе, хакасские со своей стороны также очень схожи с кыпчакскими; правомерность объединения карлукско-уйгурских и карлукско-хорезмийских (терминология Баскакова) не общепризнанна.

Не утихают научные дискуссии по принадлежности и соотношению языков и их диалектов внутри тюркских языков. Так, например, в своем классическом фундаментальном научном труде «Диалект западносибирских татар» (1963) Г. Х. Ахатов представил материалы по территориальному

расселению тоболо-иртышских татар в Тюменской и Омской областях. Подвергнув всестороннему комплексному анализу фонетическую систему, лексический состав и грамматический строй, учёный пришел к выводу, что язык сибирских татар представляет собой один самостоятельный диалект, он не делится на говоры и является одним из древнейших тюркских языков.

Традиционно тюркские языки включаются в состав алтайской семьи [16], внутри которой они обнаруживают более тесное родство с монгольскими языками.

Типологически они относятся к агглютинативным языкам; им также свойственен сингармонизм

В VIII—X вв. в Центральной Азии для записей на тюркских языках применялось древнетюркское руническое письмо (орхоно-енисейская письменность).

На письме современные тюркские языки используют в основном латиницу, кириллицу и арабский алфавит.

Туркменский язык *Türkmençe*, *Türkmen dili* распространен в Туркмении, Иране, Афганистане, Турции, Ираке, России. Большая часть носителей языка проживает в Туркмении, Афганистане. Общее число говорящих около 6 563 000 человек.

Базой для возникновения туркменского языка послужил язык поселившихся в Приаралье в конце первого тысячелетия нашей эры огузов. Первым памятником старого литературного туркменского языка, по мнению исследователей, считается относящаяся к XVII веку памятник «Родословная туркменов Абулгазихана». Дальнейшее развитие литературный туркменский язык получил в XVIII—XIX веках с расцветом туркменской поэзии Азади, Махтумкули, Сеиди, Зелили. В это же время начинается сближение письменного туркменского языка с разговорным. В конце XIX в. появились первые печатные книги на туркменском языке. В 1913 г. И.А.Беляев опубликовал первый «Русско-туркменский словарь», а в 1915 г. «Граматику туркменского языка». Важный вклад в изучение туркменского языка в

советские годы внесли А. Н. Самойлович, А. П. Поцелуевский и другие исследователи. Современный литературный язык сформировался на базе текинского диалекта в начале XX века.

Приведём информацию о распространении туркменского языка. Общее число говорящих на туркменском языке — около 6,6 млн. человек, большая часть которых проживает в Туркмении, где он закреплён конституцией как государственный язык.

| Регион | Численность | Дата информации о численности |
|-----------------------------|--------------------------|-------------------------------|
| Туркмения | 3 430 000 | 1995 |
| Иран | 2 000 000 | 1997 |
| Афганистан | 500 000 | 1995 |
| Узбекистан | 152 137 | 2000 |
| Турция | 920 | 1982 |
| Таджикистан | примерно 90 тыс. человек | 1984 |
| Казахстан | примерно 90 тыс. человек | 1984 |
| Россия, Ставропольский край | примерно 90 тыс. человек | 1984 |

В туркменском языке выделяется около 30 диалектов и говоров, в основном соответствующих этническим группам туркмен: текинский (центральная часть Туркменистана), йомудский (западные и северные области), эрсаринский (восточные области, по Амударье), салырский (район Серахса на границе Туркмении и Ирана), сарыкский (среднее течение Мургаба), човдурский (Ташауз) и другие. Диалект ставропольских туркмен традиционно называется трухменским языком [7].

Словарь туркменского языка содержал довольно большой процент арабизмов и иранизмов, с которыми, (из политических соображений), в советское время велась борьба по линии терминологического строительства

и открытой русификации. Интернациональные термины и слова, обозначающие новые явления экономики, быта, идеологии, напрямую заимствовались из русского или из других языков через печать и другие средства массовой информации, сначала в речь, а после этого закреплялись и в языке и пополнили не только туркменскую терминологию, но и словарь вообще. По мнению известного русского востоковеда А. Крымского, из тюркских языков туркменскому наиболее близки азербайджанский и турецкий.

Фонетически туркменский язык отличается от других языков тюркской системы рядом несущественных особенностей. Это долготы гласных, в известных случаях имеющие дифференциальное значение (*ōt- огонь — ot- трава, ata- отец — atā- отцу* и т. д.); *s* и *z* (в любой позиции) — как межзубных *θ* и *ð*; губная ассимиляция гласных после «широких» гласных 1-го слога [при начертании *dogan* (брат) произносят *doga'n*] и т. д. В текинском диалекте характерны случаи «внутренней флексии»: *dūr* он стоит — вместо *durar*, *gēr* он приходит — вместо *geler* и т. д. Кроме причастия несовершенного вида (*alyān- берущий, beryēn- дающий*), имеется также и причастие совершенного вида (*alan- взявший, beren -давший*). Синтаксически важно отметить остатки так называемой категории сказуемости и возможность посредством упомянутых форм *alan* и *beren* в различных падежах передавать ряд оттенков, которые по-русски выражаются системой придаточных предложений.

§2. Взаимовлияние и взаимообогащение русского и тюркских языков.

Из истории тюркологии известно, что до революции и после неё подавляющее большинство тюркских языков плодотворно изучалось и изучается, главным образом, русскими учёными. Даже само научное обоснование тюркологии связано с именем замечательного русского академика В.В. Радлова. В истории отечественной тюркологии известно немало русских имён, таких как П.Н.Мелиоранский, Н.К.Дмитриев, Н.И.Ашмарин, А.Н.Самойлович, В.А.Гордилевский, Е.Д.Поливанов, С.Е.Малов, А.К.Боровков, К.К.Юдахин и другие. Круг их интересов охватывает как вопросы общей тюркологии, так и вопросы лексики, диалектологии, грамматики, письменности, орфографии и истории отдельных языков тюркских языков. В целом, их исследования носят общетюркологический характер. Они, как представители передовой науки, «принимали самое активное участие в решении важнейших теоретических и практических вопросов тюркологии¹».

Методика изучения тюркских языков относится к наименее разработанным разделам тюркского языкознания. Другие отрасли языкознания, в частности индоевропеистика, располагают более разработанной методикой сравнительно-исторических исследований. Правда, всё положительное, что имеется в индоевропейской компаративистике, в какой-то мере проникало и в тюркологию. В последнее время с особой остротой встал вопрос об использовании наиболее ценных достижений сравнительно-исторического языкознания при исследовании истории тюркских языков. К числу основных достижений сравнительно-исторического языкознания обычно относят: учёт фонетических законов, учёт различных явлений, связанных с внутренними закономерностями языка,

¹ Константин Кузьмич Юдахин (к 80-летию дня рождения)/К.К.Сартбаев//Тюркологические исследования. - Фрунзе: Илим, 1970. - с.3

метод реконструкций, учёт семантического фактора при реконструкции грамматических форм, применение метода дивинации, т.е. суждение о древнем состоянии форм на основании форм ныне существующих, использование данных письменных памятников и диалектов и так далее¹. В современной тюркологии считается крайне необходимым установление закономерностей фонетических соответствий между разными тюркскими языками, генетическое родство которых не вызывает никаких сомнений. Установление подобных закономерностей поднимает на более высокий уровень историко-грамматические и этимологические исследования в области тюркских языков и предохранит тюркологии от опасных своими последствиями произвольных поверхностных сопоставлений.

Следует отметить, что в развитии тюркологии большой вклад внёс Александр Константинович Боровков. Будучи достойным наследником славных традиций ленинградской (петербургской) тюркологической школы, А.К. Боровков на протяжении всей своей научной деятельности стремился поддержать и продолжить в тюркологии большие искания, начатые В.В.Радловым, П.М. Мелиоранским, Ф.Е.Коршем, А.Н.Самойловичем и С.Е.Маловым. В его многочисленных работах получили глубокое освещение самые разнообразные проблемы тюркологии: природа «турецкого изафета», принципы выделения частей речи, пути формирования литературных языков, двуязычие, вопрос о соотношении агглютинации и флексии в тюркских языках, тюркская просодия в связи с попыткой фонетического анализа поэзии и др. С присущей ему тщательностью Александр Константинович Боровков исследовал разные тюркские языки: узбекский, уйгурский, карачаево-балкарский. В составе лексики русского языка значительное место занимают тюркские заимствования, которые проникали в русский язык с самых ранних периодов. Различные отношения с турецко-тюркскими племенами (гуннскими ордами, аварами, хазарами) не могли не оставить

¹ К вопросу о методах изучения истории тюркских языков (на материале синтаксических конструкций)/Н.З.Ганжиева//Тюркологические исследования. - Фрунзе: Илим, 1970. - с.3

следов в славянском языке¹. Хронология вхождения в русский язык тюркизмов отражает основные периоды русско-тюркских языковых связей. Самые древние датируются 12 веком, например: *япончица, клобук* и т.д. В 16 в. вошли следующие тюркизмы: *бугай, сарафан, калига* и т.д. 15-16 вв. - период наибольшего вхождения тюркизмов в русский язык: *тесьма, кафтан, кайма, колпак, фата, штаны, чалма* и многие др.² Заимствования происходили на разных языковых уровнях: заимствование слова (лексический уровень); заимствование фонемы (фонетический уровень); заимствование морфемы (словообразовательный уровень); синтаксическое или структурно-синтаксическое заимствование. Первой ступенью иноязычного влияния является лексическое заимствование, которое приобретает далее грамматические связи, установленные путём включения его в определённую парадигму. При этом слово подчиняется тем или иным грамматическим категориям определённого языка³.

Л. П. Крысин отмечает⁴, что заимствование представляет собой комплекс лингвистических и экстралингвистических причин. К внешним причинам относятся политические, экономико-промышленные и культурные связи между народами - носителями языка.

Усиление или ослабление связей одного народа с другими народами отражаются на процессе лексического заимствования. Не всегда интенсификация связей между народами может сопровождаться активным процессом заимствования слов, а ослабление ведёт к снижению этого процесса. Заимствование - один из путей замены двучленного наименования одночленным, т.е. иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если первое короче, и оба они служат наименованиями одного и того же понятия.

¹ Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // вопросы языкознания, № 3.

² Тюркизмы в русской лингвографии XVIII – XX вв.: семантико-функциональный аспект / Г.Н. Каримуллина // Учен. зап. Казан. гос. Ун-та. Т.149. Сер. Гуманитарные науки. Кн.2. – Казань, 2007. -472 с.

³ Хоккет Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // новое в лингвистике. – М., 2000

⁴ Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке – М., 2006.

Изучение тюркизмов русскими учёными началось еще в XVIII веке. Первый из известных нам опытов сопоставления русских слов со словами восточных языков относится к 1769 году. В этом году в сатирическом журнале Василия Тузова "Поденьшина" был опубликован список слов русского языка, сходных со словами восточных языков. Среди этих заимствований целый ряд весьма удачен (*сундук, лошадь, бирюк, камыш* и др.), но отдельные слова сопоставляются лишь на основе совершенно случайных созвучий. Например, сопоставив русское **щи** и тюркское **ашчи** "*повар*", В. Тузов отмечает: "Да уж не от сего полно произошло и «*счастье*», от **щи** и **ясть**: «*щиястье*», может быть в старые времена, бедные говаривали о достаточных: так разбогател, до такого состояния дошел, что каждой день **щи** есть, может"¹. Вопрос о тюркско-русских языковых связях интересовал многих исследователей в течение всего XIX века. В 1812 году Общество любителей российской словесности при Московском университете выдвинуло конкурсную тему исследования о влиянии других языков на русский. Но такое исследование осталось невыполненным².

Вопрос о словах, заимствованных русским языком из различных тюркских языков, ставился лишь на ограниченном материале. Много интересных наблюдений о тюркских словах в русских говорах содержится в "Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики", вышедших в 1854 году под редакцией И. И. Срезневского. В первом томе "Материалов" опубликованы списки русских слов, сходных со словами восточных языков, и указан возможный источник среди восточных языков. В составлении этих глоссариев участвовали известные русские востоковеды И. Н. Березин, А. А. Бобровников, В. В. Григорьев, А. К. Казембек, И. М. Ковалевский, П. Я. Петров, А. М. Шёгрэн. Большой лексический материал содержится в работе известного лингвиста Фр. Миклошича о тюркизмах в языках Восточной и Юго-восточной Европы. Материал Фр. Миклошича во

¹ Тузов В.Г. Тюркско-русские сочетания – Спб.,1769. -354 с.

² Гайнуллина Н.И. Лексикология Русского языка: социолингвистический аспект. –А.,2006 г.

многим сходен с глоссариями в "Материалах для сравнительного и объяснительного словаря": в нем нет историзма, тюркские языки выступают еще недостаточно дифференцированно. Впрочем, слабые стороны словаря объяснялись еще недостаточной исследованностью тюркских языков в то время. Мало нового внес "Этимологический словарь восточных слов в европейских языках" К. Локоча, вышедший в 1927 году. Ф. Е. Корш в рецензии на труд Фр. Миклошича и в полемике с П. М. Мелиоранским о тюркизмах в "Слове о полку Игореве"¹ высказал много ценных соображений по поводу времени и места заимствования того или иного слова в русский язык. При этом Ф. Е. Корш оперировал фактами истории как тюркских, так и славянских языков. Но его рецензия на труд Фр. Миклошича о тюркизмах в восточноевропейских языках не является самостоятельно подготовленным трудом. Ф. Е. Корш только дал более точные выводы, опираясь на материалы Фр. Миклошича и наметил дальнейшие пути исследования тюркских элементов в славянских языках. Наиболее глубоко вопросы древнерусских заимствований из тюркских языков рассмотрены Ф. Е. Коршем и П. М. Мелиоранским в процессе дискуссии о тюркизмах в "Слове о полку Игореве". Но и здесь больше было сделано для истории тюркских языков: спор велся преимущественно на тюркологической почве. История тюркских по происхождению слов в русском языке оставалась в тени. Характерна в этом отношении оценка этой дискуссии, которая была дана ей польским тюркологом А. Зайончковским, который сам занимался изучением тюркизмов в древнерусском языке. А. Зайончковский оценил тюркологическую глубину этого спора, заметив, что в полемических статьях Ф. Е. Корша и П. М. Мелиоранского "написана целая диссертация о разных тюркских словах как *балабан* и т. д., затронуто много вопросов и проблем тюркской диалектологии, но вопрос о заимствовании слова *балван* (орхонское *балбал*) не разрешен". Это произошло потому, что полемисты

¹ Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М Мелиоранского) // ИОРЯС 1902. Т. 7, кн. 2. - 573с.,

почти не обращались к памятникам древнерусской письменности. Интересна, появившаяся в третьем выпуске "Лексикографического сборника" в 1958 году статья Н. К. Дмитриева "О тюркских элементах русского словаря". В ней изложены такие методические приёмы исследования тюркизмов, как комплексный подход к анализу заимствованного слова с точек зрения фонетической, семантической, морфологической и синтаксической; установление путей заимствования с учётом общих данных истории, экономики, этнографии, географии; определение конкретного тюркского источника заимствованного слова. Работа представляет собой тюркологический комментарий к "Толковому словарю русского языка" под редакцией Д. Н. Ушакова. Она состоит из большого введения и нескольких глоссариев: 1) "Тюркизмы, подтвержденные фактами"; 2) "Тюркизмы, требующие дополнительной документации"; 3) "Слова, причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы" и 4) "Дополнительный список тюркизмов русского словаря (в него вошли некоторые пропущенные в "Толковом словаре" выражения, а также отдельные областные слова)". Работа Н. К. Дмитриева является наиболее обстоятельным исследованием тюркизмов в русском языке. Дмитриев большое внимание обратил на звуковые соответствия тюркских и русских слов. Такие сопоставления соответствующих тюркских слов в разных тюркских языках позволяют более точно установить источник заимствования. Его вносит много коррективов в "Русский этимологический словарь" М. Р. Фасмера, где тюркские языки зачастую выступают недостаточно расчленено. М. Фасмер пользовался для наведения справок лишь "Опытом словаря тюркских наречий" В. В. Радлова, который отражает словарный состав далеко не всех тюркских языков. С другой стороны, в работе Н. К. Дмитриева не всегда точно используются данные древнерусской письменности. Как характерный пример может быть рассмотрена история слова *казна* в обеих работах: М. Фасмер, пользуясь "Опытом словаря тюркских наречий" акад. В. В. Радлова как справочником по тюркской лексике, выводит русск. *казна* из турецкого и крымско-

татарского *хазна* или же поволжско-татарского *хазина*, хотя в этом же словаре отмечены и формы более точно соответствующие русскому слову: половецкое и татарское *казна* (ср. также ногайск. поговорку *Эл казнасы эски соьз*). Не воспользовался М. Фасмер также и "Половецким словарем" К. Грэнбека, в котором отмечено половецкое *qazna*. Н. К. Дмитриев точен в тюркологической части: он отмечает, что русскому *казна* соответствует "кыпчакско-тюркская форма арабского слова *хазина* "сокровище", и указывает на половецкий язык как на возможный источник заимствования. Но Н. К. Дмитриев допускает неточность другого рода: он указывает в качестве раннего случая отражения этого слова в русском языке лишь фиксацию его в "Хождении за три моря" Афанасия Никитина. Но М. Фасмер лучше ориентирован в памятниках русской письменности: он отмечает, что слово впервые встречается в грамоте Дмитрия Донского 1389 года, т. е. почти на столетие раньше. Важно учитывать не только данные памятников древней письменности и данные диалектологии тюркских языков, но и историю предметов, с которым связано, то или иное понятие. Необходимо, таким образом, обращаться к историческим и археологическим материалам, которые смогли бы указать на культурно-исторические обстоятельства заимствования данного понятия или предмета. При этом немаловажное значение имеет сам предмет, его специфические особенности, которые тоже могли меняться с течением времени. В этом отношении интересно проследить историю названий денежных единиц в древнерусском языке. Древнейшие русские названия денег связаны с разного рода названиями животных: *скоть*, *куны*, *бѣль* (последние два от названий пушных зверков). Подобный перенос значения отмечается в тюркских языках, где слово *тин* в татарском, казахском и уйгурском языках имеет значение "*белка*" и "*копейка*"¹. Ср. также удмуртское *коньы* "*белка*" и "*копейка*". Такой переход значений, вероятно, был вызван сходными условиями экономической жизни, при которых в качестве денег выступали шкурки пушных зверей. К тому же

¹ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III –М.,360 с.

следует заметить, что названия денежных единиц неустойчивы: они изменяются с течением времени, неодинаковы они и на разных территориях. Например, в русском языке грошом называлась монета достоинством или в две копейки, или в полкопейки. Ср.: также тюркское *тенге*, которое имеет разные значения в разных языках в казахском, татарском, башкирском, чувашском языках так называется "рубль", а в диалектах казахского языка, в каракалпакском, туркменском (в последнем это слово звучит *тенне*) языках так называется "двадцатикопеечная монета". В некоторых языках оно значит "деньги вообще". Когда этому же тюркскому слову восходит русское *деньга* "монета, достоинством в полкопейки" (слово известно по памятникам русской письменности с XIV века, когда на Руси после почти трехвекового перерыва возобновилась чеканка собственной монеты по золотоордынским образцам). От *деньга* происходит общее название *деньги*. Что касается происхождения тюркского слова *тенге*, то мнения ученых по этому поводу расходятся. Высказанное академиком К. М. Френем предположение о связи этого слова с тюркским *тамга* было еще в середине XIX века отвергнуто И. Н. Березиным, как неправильное. Однако оно позже было поддержано Фр. Миклошичем. Не лишена основания высказываемая некоторыми исследователями догадка о связи тюркского *тенге* с персидским *данг* и древнеперсидским *danakh*. Этимология В. В. Радлова (от тюркского *тенерек* "круг, колесо") нуждается в дополнительной аргументации. Но если учесть, то обстоятельство, что названия денежных единиц могут образовываться от названий пушных зверей, то для тюркского *тенге* можно найти хорошую этимологию на тюркской, же почве. В основе этого названия лежит тюркское название белки *тейин, тейин, тин, тин, тийин, тийин, тыйын* и т. п. Правда, некоторая необычность звуковых соответствий и исторические соображения (тюрки всегда были степными кочевниками и поэтому сравнительно поздно познакомились с лесным зверьком - белкой) позволяют думать, что это слово было заимствовано тюрками из других языков. Тюркское *тенге* отражено у Афанасия Никитина как *тенка*, а как

специфически среднеазиатское слово встречается в современном русском языке в нескольких орфографических передачах: *теньга, танга, теньга, тенга*. Весьма вероятно, что это же слово вошло в русский язык в другой форме, более близкой по звучанию к названию зверька - *тыйын, тийин*¹. Правда, вошло оно в русский язык не самостоятельно, а как составная часть слова, возникшего на базе тюркского счетного словосочетания. Речь идет об одном из старых тюркизмов русского языка - слове алтын. Среди лингвистов сейчас общепринятой этимологией этого слова является возведение его к татарскому слову *алтын* "золото", хотя нумизматы не знают русских золотых монет, относящихся к тому времени, когда в русском языке появилось слово *алтынъ*. Не известны и золотоордынские золотые монеты. Поэтому эта этимология, предложенная в 1854 г. А. К. Казембеком в "Материалах для сравнительного и объяснительного словаря" и поддержанная другими исследователями вплоть до М. Фасмера, вызывает возражения. Лингвисты при этой этимологии приводят семантические параллели из других языков и указывают на то, что обычно история монет является историей падения их стоимости. Однако нумизматы не соглашаются с этим мнением: они учитывают реальную историю самой вещи. Известно, что русский *алтынъ* никогда не был золотой монетой, поэтому тюркское *алтын, ал тун* "золото" не могло лечь в основу этого названия. Известный русский историк В. Н. Татищев предложил более убедительную этимологию в своем "Лексиконе российском, историческом, географическом, политическом и гражданском" (посмертно в 1793 году выпущены лишь первые 3 части): он производит *алтын* от тюркского числительного *алты*, "шесть": "понеже *алты* слово татарское, значит шесть, ибо в ней 6 денег». Правда, это объяснение оставляло открытым вопрос о конце слова, где конечное *н* не получало объяснения. Объяснение было намечено лишь через сто лет после выхода в свет "Лексикона" В. Н. Татищева в академическом словаре 1891 года под редакцией Я. К. Грота, где русск. *алтын* объясняется

¹ <http://www.gramota.ru> – интернет ресурс

как переделка тюркско-татарского *алты тийин* "шесть белок". Впоследствии нумизмат В. К. Трутовский указал, что тюркское *тийин* могло здесь также иметь значение названия мелкой денежной единицы, соответствовавшей *деньге*. О возможности передачи тюркского слова *тыйын, тийин* как - *тын-* свидетельствуют русские арготические выражения *нибиртынки* "ни копейки" (восходит к тюркскому словосочетанию *бир тыйын* "одна копейка" и *унтынка* "за десять копеек" (восходит к тюркскому дательному падежу он *тыйынка*; огласовка *ун* говорит о татарском источнике). Так как названия денежных единиц в русском языке являются заимствованиями с Востока, то, возможно, что восточным заимствованием является и слово копейка¹. Последовательное изучение русско-тюркских языковых связей в отечественной науке началось в первой трети XIX века. Первой серьёзной попыткой анализа восточных заимствований в русском языке была работа Ф. И. Эрдмана², в которой даются интересные этимологические сведения о ряде заимствований, генетически восходящих к восточным языкам. Одно из плодотворных аспектов исследования тюркизмов в русском языке - изучение текстов письменных источников. В работах С.Е.Малова, В.А.Горделевского, И.Г.Добродомова и других учёных не только удачно продолжены традиции отечественного языкознания, накопившиеся при анализе памятников древнерусской литературы с точки зрения проблем тюрко-славянских связей, но и разработана более или менее последовательная система методики выявления тюркизмов по их фонетическим признакам! тематическим группам. Исследование тюркизмов в русском языке идёт в разных направлениях, среди которых можно выделить такие, как изучение тюркизмов в древнерусском языке, в составе современного литературного языка и прочее. Тюркизмы, в отличие от западноевропейских заимствований, которые характерны для общественно-социальной, военно-дипломатической,

¹ <http://lib.ugent.be>

² Эрдман Ф.И. Труды и летописи общества истории и древностей. - М., 1879.

научной и культурной сфер русской жизни, представлены преимущественно названиями, относящимися к быту, т.е. тюркизмы в большинстве являются «бытовизмами»¹. Тюркизмы подразделяются на 2 группы. К первой группе относятся лексемы, которые не ощущаются чужеродными русскому языку, их происхождение выявляется только на уровне этимологизации. К ним относятся названия широко используемых реалий, активные в коммуникативном отношении (лошадь, товар, деньги, чемодан и др.). Также к этой группе относятся лексемы, которые тоже не воспринимаются как заимствования, но они не так широкоупотребительны (кизьяк-навоз в форме кирпича, бахилы - вид обуви). Ко второй группе относятся те лексемы, употребление которых окказионально и ситуативное. Эти тюркизмы являются экзотизмами (чалма «мужской головной убор у мусульман»). В разработке вопроса о тюркских заимствованиях исследователи не ограничиваются рассмотрением одного аспекта. Однако в этой области русской филологии имеется ряд вопросов, решение которых, особенно актуально. Необходимо разграничить эти понятия; целесообразно термин тюркизмы оставить за старыми тюркскими заимствованиями, освоенными русским языком и зафиксированными в словарях данного языка (такие как *парча, атлас, пиала, тюбетейка, чалма, паранджа, бархат, халат, карагач, саксаул, инжир, камыш, беркут, ишак, джейран, газель, кишлак, бархан, курган, чана и др.*)².

Таким образом, история изучения тюркизмов в русском языкознании очень древняя и актуальная. Этому вопросу уделяли внимание в 18 веке - П.Н. Мелиоранский, Н.К.Дмитриев, В.Тузов, Ф.Е. Корш и т.д.; а в 19 веке - К.К. Юдахин, А.Н.Кононов, В.А. Виноградов, А.К. Боровков и т.д. Тюркизмы включались в словари, получали теоретическое обоснование и лексикографическое описание.

¹ Миртов А.В. Лексические заимствования в русском языке из языков народов Средней Азии. - Ташкент, 2002.-268с.

² Тюркизмы в русской лингвографии XVIII - XX вв.: семантико-функциональный аспект / Г.Н.Каримуллина // Учен. зап. Казан, гос. ун-та. Т. 149. Сер. Гуманитарные науки. Кн.2.- Казань, 2007

Выводы по I главе.

Тюркско-славянские языковые контакты, имеющие многовековую историю, исследуются в различных аспектах. Среди них немаловажное значение имеет изучение лексических связей между русским и отдельно взятым тюркским языком на современном этапе, когда гармоническое национально – русское двуязычие, постоянно прогрессирующее в нашей стране, открывает широкие возможности для взаимовлияния и взаимообогащения языков. Функционирование русского и туркменского языков на территории республики, развитие печати на обоих языках, взаимные художественные переводы и другие факторы создали благоприятные условия для проникновения русской лексики в туркменский язык и туркменской – в русский.

Взаимовлияние лексики русского и туркменского языков имеет свои особенности. Русские слова проникают во многие пласты словарного состава туркменского языка, становясь неотъемлемой частью их лексической системы, в то время как функционирование туркменских слов в русском языке ограничено определённым регионом и связано в основном с туркменской тематикой. Они обозначают новые для носителя русского языка предметы, явления, понятия или придают ранее известным дополнительные оттенки. В художественном тексте туркменские слова употребляются также для создания национально – бытового и социально – исторического колорита. Туркменские заимствования оказывают позитивное влияние на пополнение словарного состава и обогащение системы образно – выразительных средств русского языка.

Глава 2. Условия и причины проникновения туркменских слов в русском языке, их лексико-семантические и стилистические особенности.

§1. Условия и причины проникновения туркменских слов в русский язык.

Слова переходят из одного языка в другой, когда для этого имеются достаточные мотивы и условия. Главным условием лексического заимствования признаётся двуязычие.

В лингвистической литературе не раз указывалось на существование непосредственной связи между заимствованием и билингвизмом. « Всякое взаимное воздействие языков, - писал Л.В. Щерба, - требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными»¹. Интенсивность лексического заимствования зависит как от давности существования двуязычия, так и от сферы его распространения. Для выяснения последнего фактора необходимо определить, что понимается под термином двуязычие. Многие учёные билингвизмом называют использование двух языков на определённой территории в одинаковой степени или совершённое владение отдельным индивидом, социальной группой двумя языками².

Подобное определение билингвизма не всегда оправданно, так как в общественной практике не часто встречается коллектив, одинаково совершённо владеющий обоими языками. При таком подходе к вопросу вне поля зрения остаются пассивные билингвы и индивиды, слабо владеющие вторым языком и представляющие наибольший интерес в лингвистическом плане. Кроме того, требует уточнения принцип совершённого владения двумя языками как основного критерия билингвизма. Вполне естественно,

¹ Щерба Л. В. Языковая система, и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974, с. 67.

² Аврорин В. Л. Двуязычие и школа.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972, с. 33.

что не только билингвы, но и монолингвы не владеют в совершенстве родным языком, его различными стилями. Подчёркивая это обстоятельство, А. Мартине пишет: «Критерий совершенства в этом отношении не имеет смысла: в языковых общностях встречаются носители только одного языка, которые используют формы, считающиеся неправильными. Человек, владеющий только одним языком, овладевает им не в совершенстве, но в степени, достаточной для того, чтобы удовлетворительно общаться с окружающими его людьми, входящими в данную социальную группу. В случае же, когда одно лицо пользуется несколькими языками, упомянутый критерий вообще неприменим: требуется определённое время, чтобы это лицо оказалось органически включённым в ту или иную социальную группу»¹.

Считая одинаково совершённое владение двумя языками идеалом, к которому должны стремиться все билингвы, ряд исследователей подчёркивает, что таким двуязычием охвачено лишь 5 – 10% двуязычного населения страны, и поэтому данный тип билингвизма не имеет особого социального значения. К определению двуязычия они подходят с точки зрения социальной и вслед за Л.В. Щербой считают, что под билингвизмом следует понимать способность отдельного индивида или народа в целом, или его части общаться (добиться взаимопонимания) на двух языках. Данное определение билингвизма вытекает из основной функции языка - быть средством общения между людьми.

Уровень распространения и темпы развития двуязычия зависят от характера связей между носителями контактирующих языков. Следует предположить, что путь развития туркменско-русского двуязычия начат, как и всякая другая разновидность билингвизма, с индивидуального двуязычия, когда обоими языками владели отдельные лица. С течением времени индивидуальный билингвизм перешёл в групповое двуязычие, когда обоими

¹ Мартине А. Основы общей лингвистики. – В. сб.: Новое в лингвистике, вып. 3. М.: Изд-во иностр. литературы, 1963, с. 523.

контактирующими языками владеют представители отдельно взятой социальной прослойки или население, проживающее на ограниченной территории. В настоящее время туркменско-русское двуязычие из группового превращается в массовый билингвизмом.

Подлинно равноправное двуязычие, характерное для страны, предполагает гармоническое сочетание интернациональных и национальных черт в развитии культуры народов, обеспечивает свободный взаимообмен понятийными и выразительными средствами между контактирующими языками, а в плане функциональном происходит распределение общественных нагрузок между ними. Функциональное взаимодействие туркменского и русского языков в пределах республики наблюдается во всех сферах их применения. Они параллельно применяются как языки преподавания в школе и вузе, периодической печати, научных произведений, художественной литературы, кино, театра, радио, телевидения, общения в быту и на производстве¹. Функциональное взаимодействие расширяет возможности взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков на различных уровнях, и прежде всего на уровне лексико–семантическом.

Функционирование русского языка как языка радио, телевидения, кино и театра способствует усвоению туркменских заимствований в русской устной речи.

На русском языке пишутся и издаются труды по многим отраслям науки, техники, культуры, на страницах которых встречаются туркменские слова. В работах по отдельным отраслям знаний, например, по истории, этнографии, национальной музыкальной культуре, видам народных ремесел такие слова занимают заметное место.

На взаимовлияние и взаимообогащение туркменской и русской литератур и языков оказывают определённое воздействие русскоязычные

¹ Назаров О. О функциональном взаимодействии туркменского и русского языка на современном этапе.— Сер. обществ, наук, 1979, № 2, с. 52—57.

писатели Туркменистана. Романы « Море согласия», « Государи и кочевники », повести и поэмы Д.Г. Рыбина, роман « Чёрная пасть » и повести П. Карпова, произведения « Предрасветные призраки пустыни », « Крушение Великого Турана » Р.Эсенова, повести « Год весёлых речек », «Матушка Абадан » А.Аборского, повести и рассказа Ю.Рябина, А.Мамедова и других авторов изображают вчерашний и сегодняшний день туркменского народа. Заметный пласт в лексике таких оригинальных произведений на русском языке составляют туркменские заимствования.

Особенно насыщены туркменской лексикой тексты переводов художественной литературы с туркменского языка на русский.

Через русские переводы представители национальных литератур приобретают мировую известность. К настоящему времени на русский язык переведены почти все более или менее значительные произведения туркменского фольклора, классической и современной художественной литературы. На русском языке неоднократно издавались туркменские народные сказки, дестаны « *Шахсенем и Гариб*», « *Хурлукга и Хемра*» и другие произведения устного народного творчества. Благодаря усилиям таких переводчиков, как А. Тарковский, Г. Веселков, Г.Шенгели и др., достоянием читателя стали стихотворения Махтумкули, Сеиди и Зелили, Кемине и Мятаджи, дестаны «*Лейли и Меджнун*» Андалиба, «*Зохране и Тахир*» Молланепеса, «*Саят и Хемра*» Шабенде, а также лирические и лироэпические произведения этих и других представителей туркменской классической литературы.

Заслуженное признание многонационального читателя получили художественные полотна « *Решающий шаг*» Б.Кербабаева, «*Братья*» Б.Сейтакова, « *Судьба*» Х.Дерьяева, переведённые и изданные на русском и других языках. За последние два – три десятилетия в переводе на русский язык вышли романы «*Воды – Чудом рождённый*», « *Небит-Даг*», «*Капля крупица золота*» Б.Кербабаева, «*Бедиркент*» Б. Сейтакова, «*Суровые дни*», «*Чёрный караван*» К.Кулиева, «*У подножья Конет - Дага*», «*Внук*

Мергена» А.Кауштова, « *Люди песков* » Б.Худайназарова, «*Джейхун*», «*Провинция*» Н.Джумаева, «*Тойли Мерген*» А.Курбансахатова и другие произведения названных писателей, повести и рассказы Н.Сарыханова, Х.Исмаилова, Т. Курбанова, Т.Джумагельдиева, А. Хаидова, Б.Пурлиева, поэмы и стихотворения К.Курбаннепесова, М. Сеидова, А.Атаджанова, Н.Байрамова, К.Тангрыкулиева, И.Нурыева, пьесы Г.Мухтарова, Т.Эсеновой и др. Над переводами туркменской прозы на русский язык работали и работают переводчики Н.Асанов, А.Аборский, В.Курдицкий, М.Дальцева и Н.Атаров, Т.Калякина, А.Зырин, Г.Ковалевич и другие.

Через художественные переводы, как и оригинальную литературу на туркменскую тему, местные заимствования становятся известными миллионам носителей русского языка, живущих далеко за пределами Туркмении.

Кроме названных социолингвистических условий и причин проникновения туркменских слов в русский текст существует и внутриязыковые факторы, без учёта которых нельзя объяснить мотивы заимствования русским языком того или иного туркменского слова. К числу таких факторов относится, например, необходимость дать названия новым для носителя русского языка предметам, понятиям. Будучи наименованиями, национально – специфических предметов, понятий, значений некоторые туркменские слова в русском языке выступают в денотативной функции. Речь идёт о таких заимствованиях, как *гиджак, дутар, кетени, тамдыр, танан* и другие, которые не имеют в русском языке однословных эквивалентов. К ним примыкают слова типа *арба, тельпек, хорджун, чарык*, находящиеся в синонимических отношениях с собственно русскими словами *телега, шапка, сумка, лапти*, однако члены этих синонимических пар отличаются друг от друга смысловыми оттенками. Ряд туркменских слов включается в русский текст лишь в экспрессивно – стилистических целях. Так, слова *джерчи* и *глашатай*, *михманхана* и *гостиная*, *якши* и *хорошо* по семантической нагрузке мало чем отличаются между собой. Подобным

туркменским заимствованиям, отличающимся от русских эквивалентов семантическими оттенками или стилистической значимостью, присуща коннотативная функция. Иноязычное слово может заимствоваться в целях назвать единое, нерасчлененное понятие одним словом, а не описательным оборотом. Известно, что всякое понятие, выраженное средствами одного языка, можно передать на втором языке, не применяя средств первого языка. Например, значения туркменских слов *гельнедже*, *мираб*, *чурек* могут быть переданы на русский язык соответственно при помощи следующих описательных оборотов: « жена старшего брата или родственника», « распределитель воды в оросительной сети для полива», «лепёшка из сдобного или пресного теста, испечённая в тамдыре». Одну вещь, один предмет, одно явление удобно назвать одним цельнооформленным словом, а не аналитическим образованием, что устраняет противоречие между расчлененностью формы и монолитностью обозначаемого предмета мысли. Отношения между единицами двух контактирующих сторон в данном случае выражаются в том, что « иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если оба они служат наименованиями нерасчлененного понятия».

Туркменские слова включаются в русский текст не только из-за необходимости номинации, но и в стилистических целях.

§2. Лексико-семантические и стилистические особенности туркменских заимствований в современном русском языке.

Различные заимствования в лексике и фразеологии определяется, такими факторами, как формы связей между контактирующими языками, характер двуязычия, степень функционального развития языков. Усиление туркменско-русских языковых связей совпало с историческим периодом, когда у туркменского языка появились возможности для значительного расширения своих общественных функций, когда шёл процесс развития и совершенствования письменных норм туркменского национального языка. В такие периоды языки бывают особенно проницаемыми, поэтому естественно, что русский язык, обладающий обширными общественными функциями и имеющий разветвлённую лексико-семантическую систему, оказал огромное влияние на туркменский язык, обогатив его новыми словами и оборотами, принадлежащими к различным сферам общественной жизни, к различным тематическим группам. Туркменский язык заимствовал из русского языка большое количество терминов, которые служат названиями понятий, присущих той или иной отрасли производство, науки, техники, культуры. Туркмены усвоили множество русских слов не терминологического характера, отражающие различные стороны материальной и духовной жизни языкового коллектива. Русские заимствования в туркменском языке характеризуются разнообразием тематики, широтой диапазона употребления в устной и письменной речи. Они составляют открытый пласт в туркменской лексике, который постоянно пополняется новыми словами в связи с дальнейшим расширением социальных функций туркменского литературного языка, усвоением новых материальных, духовных и культурных ценностей.

В русско-туркменском лексическом взаимодействии менее проницаемым является русский язык, что объясняется различиями в функциональной нагрузке контактирующих языков, ибо «чем обширнее и универсальные

функции данного языка, тем менее проницаемым является данный язык при контактировании с языками, имеющими более узкую сферу функционального использования»¹. Этот тезис подтверждается исследованиями по русско-тюркским языковым связям. Многие работы, посвященные изучению новых тюркских заимствований в русском языке, сводятся к обозначению понятий, связанных с жизнью и бытом данного тюрко-язычного народа, к отражению местной флоры и фауны². Такая лексика и фразеология составляет основную массу туркменских заимствований в русском языке. По значению их можно разделить на несколько тематических групп.

Ряд туркменских заимствований обозначает наименования людей. К ним относятся слова, называющие людей по поводу занятий (*аламан, арабачи, арбакеш, басмач, батрак, бахши, дайханин, дарга, деллал, джарчи, джерчи, изчи, казучи, калтаман, караванбаши, маскарабаз, мираб, нанбай, наспуруш, сазандар, самоварчи, сарван, сейис, тебиб, усса, хаммал, чабан, чайчи, чарва-дар, чолук, чомур, шахир*); по социальному положению (*арчин, бай, башлык, баяр, бек, векиль, кетхуда, мирза, падишах, сердар, султан, хан, хеким, торе, шазада, шах, эмельдар, эмин, эмир*); по отношению к военным чинам и должностям (*аскер, атлыбаши, джигит, есаул, кушбеги, кызыл-аскер, лутчек, минбаши, нукер, онбаши, онбеги, пошчи, сербаз, топчи, юзбаши*); по возрасту и другим внешним признакам (*аксакал, батыр, бжалай, йигит, мерген, пальван, сакгалдаш, яшули*). Такие термины родства, как *ага, ана, ата, баба, баджи, гелин, гельнедже, даде, дайза, ини, кейваны, кыз, эдже*, часто употребляются при обращении и, сочетаясь обычно с личными именами, обозначают форму вежливого обращения или упоминания. Большое количество заимствованных

¹ Баскаков Н. А. Двужычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков (на материале тюркских языков).— В кн.: Проблемы двужычия и многоязычия. М: Наука, 1972, с. 72.

² Чернышева Ю. И. Лексические заимствования из киргизского языка в языке местной русской периодики, с. 46—104; Тихонова Э. В. Узбекская лексика в произведениях русских писателей Узбекистана, с. 15—94 и др.

слов отражает материальную культуру туркменского народа. В научных трудах по истории, этнографии, а также на страницах художественной литературы о прошлом туркменского народа встречаются слова, которые обозначают понятия, связанные с земельно-водными отношениями, существовавшими в Туркмении: *атлык, вакуф, келеме, мулык, санашик, серкар*. В русский язык попадают слова, связанные с обработкой и искусственным орошением земли (*азал, арна, арык, атыз, бент, кетмень, курек, кяриз, меллек, ок-арык, омач, тараз, харман, хаят, ховуз, хошар, чигирь, чигит, чиль, яб*), названия сельскохозяйственных культур (*джут, кендырь, кунжут, маш, шалы*), к последним относятся слова-названия сортов дынь (*азгын, акнеш, вахарман, гуляби, замча, кары-кыз*) и винограда (*ак-узум, акшекерек, гелинбармак, кара-узум, монты, тербаши, халили*). Отдельные заимствования обозначают понятия, связанные с животноводством (*агыл, каракуль, кош, кошара, сардоба, сур, тазма, ширази, ятак*).

Русской письменной речью заимствуются слова-названия домотканой материи (*алача, галбири, кетени, совсаны*) женской и мужской одежды и её частей (*балаки, буренджек, джораны, дон, койнек, курте, кушак, ойлук, чабыт, чекмень, яшмак*), головных уборов (*борук, джамборук, кынгач, тахья, тельпек, топбы, чеурме*). Ряд заимствований обозначают детали туркменской кибитки: *гозенец, дирек, камышбаг, серпик, сырык, терим, туйнук, ук, чагарык, човши, энси*. Такие заимствования, как *гэль, дарак, кесер, килим, оджак-баши, палас*, называют предметы ковроткачества и ковровые изделия. В художественных произведениях и этнографической литературе встречаются названия туркменских женских украшений: *апбасы, асык, билезик, букав, гоза, готаз, гуляка, гупба, илдиргич, курсакча, сумсуле, тумар, чапраз, эгме*.

Отдельными заимствованиями представлены названия видов оружия (*зембирек, хырлы, шемхал*), металлов и различных веществ (*караях, лал, мергимуш, мумие*), слова с метрологическим значением и названия

денежных единиц (*батман, гез, дирхем, кран, мензиль, мискаль, риал, теньга, туман, фарсах*).

В туркменском языке существует обширная лексика, представляющая названия различных этнических единств. В научных трудах по этнографии и истории туркмен, в художественных произведениях встречается большое количество этнонимов. Названия наиболее крупных этнических подразделений имеют в русской письменной речи довольно высокую частотность, таковы этнонимы *алили, гоклен, йомуд, салыр, сарык, чувдур, теке, эрсари* и др.

В русский язык проникают туркменские слова, отражающие особенности рельефа (*дейгиш, джар, как, кыр, сай, сенгирь, такыр, шор*), флоры и фауны. Растительный мир края представлен в русской речи названиями деревьев (*арча, гуджум, дагдан, карагач, каркав, тал, торанги, тут, урюк, хурма, чинара, шатут, шемшат*). Часть туркменских слов выступает в русском языке как термины и употребляется в научной и научно-популярной литературе. Тем самым эти заимствования, как и ряд других тюркизмов в русском языке¹, обогащают русскую научную терминологию.

В русский язык художественных произведений вводятся специфические для туркменского речевого этикета слова и устойчивые формулы приветствия, поздравления, прощания (*арма, салам, салам-алейкум, хош, якши*), междометия (*ай, ахов, аю, бай-бо, бе, берекел-ла, вай, валла, вах, вий, пехей, тоба, тувелеме, хей, хейджанелек, хов, чув*).

Тематика туркменских заимствований перечисленными группами не исчерпывается, да и количественно они были представлены далеко неполностью. Однако и рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что заимствованная лексика охватывает преимущественно слова, которые отражают материальную и духовную культуру, условия быта, обычаи

¹ *Бабаев К. Р.* Тюркизмы как один из источников русской научной терминологии.— В кн.: Лексика. Терминология. Стили, вып. 1. Горький, 1973, с. 81—91.

верования туркменского народа, называют животный и растительный мир определенной территории, выступают как наименования ономастических понятий.

Тематика туркменских слов имеет свои особенности в переводах фольклорных произведений, образцов классической литературы. В русский текст эпических произведений устного народного творчества, как и дестанов авторов, вводятся слова типа *аждарха*, *берзенги*, *две*, *кениз*, *пери*, составляющие специфику названных жанров.

В научных и научно-популярных текстах предпочитается пояснение туркменского слова внутри текста с помощью скобок, при этом в скобки может заключаться как новое неизвестное читателю слово, так и его толкование или эквивалент:

Корм скоту давали в глиняных кормушках (*ахыр*), в плетеных корзинках (*себет*) и в специальных мешках (*торба*), подвешиваемых на голову лошади или быка (М. Аннанепесов. «Хозяйство туркмен»).

В ряде случаев туркменские заимствования выделяются в тексте с помощью кавычек без каких-либо пояснений, когда кавычки выступают в одной из факультативных функций в русском языке, которая заключается в выражении отношения пишущих к употребляемым в тексте языковым средствам, являющимися заимствованиями неосвоенными или недостаточно освоенными языком¹. Таким способом могут вводиться в русский язык и достаточно известные заимствования, если текст предназначен для широкого круга читателей; иногда выделение заимствований кавычками сопровождается толкованием их внутри текста.

Толкование туркменских слов внутри текста — один из распространенных способов их семантизации, при этом пояснения могут предшествовать вводимому слову или последовать за ним. В таких случаях между заимствованием и толкованием ставится тире:

¹ Шварцкопф Б. С. О факультативных случаях употребления кавычек. — В* кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М.: Наука, 1974, с. 204.

*Жизнь для сильных все равно, что жареная пшеница - **ковурга** - для зубастых. Засеянные поля разделены невысокими валиками — **чилями** — на ровные плоские делянки. (Тиркиш Джумагелдиев «Энергия страха, или голова жёлтого кота»)*

Следует отметить, что данный способ семантизации не очень удобен для пользования, ибо толкование слов внутри текста приводится один раз, при первом употреблении туркменских слов, а читатель не в силах запомнить их значение с одного раза. Искусственность способа особенно отчетливо обнаруживается в тех случаях, когда толкование вводится в прямую речь персонажа:

*- Ваше превосходительство,— доложил он, прищелкивая каблуками,— **яшули** — старейшины пожаловали к вашей милости (К. Кулиев. По ту сторону Копет-Дага).*

Иногда толкование туркменских слов включается непосредственно в авторскую речь, при этом оно может быть довольно пространным и состоять из нескольких фраз:

*— Набей мне твой **чили́м**,— сказал он ему.— И прошу об одном: не говори со мной. (Хыдыр Дерьяев «Судьба»)*

Чили́м — это подобие кальяна. Длинная трубка, сосуд с водой, изготовленный из водяного ореха или из обыкновенной тыквы.

Значение туркменских заимствований раскрывается также параллельным использованием в одном контексте их эквивалентов из собственных средств русского языка:

*Арбакеш шагал впереди, тянул за повод **верблюда**. Инер шел вприпрыжку, и люди едва успевали за ним. (Берды Мурадович Кербабаев «Весна на земле туркменской»)*

*Она внимательно посмотрела на **молодого человека** и сделала несколько шагов навстречу **джигиту**. (Курбандурды Курбасахатов «Тойли Мерген»).*

Кроме перечисленных способов семантизации туркменских заимствований, в русских текстах и художественной литературы конца XX – начале XXI века широко используются постраничные примечания сноски и краткие пояснительные словари, прилагаемые к изданию. Следует отметить, что четкого разграничения применения этих средств и способов как в рамках конкретного издания, так и в отношении того или иного заимствования обычно не наблюдается. Обнаруживается такая связь: чем больше распространено данное слово, чем выше частота его употребления в русской речи, тем меньше необходимость его толкования в языке. Однако это не означает, что отсутствие или наличие пояснения у того или иного слова служит критерием освоенности его русским языком, хотя бы в данном регионе: пояснение слова часто носит произвольный характер и не составляет системы, поэтому, естественно, не может быть признано критерием освоенности заимствованного слова.

По степени освоенности и диапазону употребления в русской речи все слова тюркского происхождения, имеющие в туркменском языке лексико-семантические и графемно-фонетические соответствия и встречающиеся в русскоязычных текстах на местную тему, можно разделить на две группы.

В первую группу входят заимствования, полностью освоенные русским литературным языком. Такие слова тюркского происхождения, как *алтын, алый, базар, балык, баш, буза, ералаш, есаул, изюм, карандаш, карга, отара, папаха, пирог, саранча, сурьма, тесьма, товар, хомут, чалый, чугун, шаль, ярлык, ящик*, имеющие свои параллели в современном туркменском языке и широко распространенные в русской речи прочно вошли в лексико-семантическую систему русского литературного языка; определение первоначальной принадлежности их к конкретному тюркскому языку требует специальных этимологических изысканий. Они зафиксированы словарями русского языка и понятны большинству его носителей.

Вторую группу составляют слова, достаточно известные в русской речи определенного региона, в данном случае среднеазиатского, но не вошедшие

окончательно в русский литературный язык. Слова *арча, бах-ши, ишан, кала, карагач, кеклик, кетмень, маш, медресе, мираб, мулла, самса, табиб, танап, той, харман, чайхана* и другие в данном графемно-фонетическом оформлении или с незначительными орфографическими вариациями встречаются в русской письменной речи Туркмении, Узбекистана, Киргизии, а определенная - часть приведенных слов употребляется и в русскоязычных произведениях на таджикскую тему. Общими для русской письменной речи в Средней Азии и Северного Кавказа являются региональные заимствования, генетически представляющие собой межтюркские основы (*ага, айран, аксакал, аргамак, бай, байрам, бек, диван, каймак, чарык*) или восходящие к арабскому (*адат, азан, ахун, аят, вакиф, векиль, зекат, кадий, намаз, хаджи, шарият*) и иранским (*карнай, кясе, михманханабпальван, пешкеш*) языкам.

Определенная часть туркменских заимствований имеет в русском языке однословные синонимы из числа его собственных средств: *адат/обычай, гуляка/брошь, джар/овраг, кази/судья, канар/мешок, мектеб/школа, намаз/молитва, чарыки/лапти, чурек/хлеб, чорба/похлебка* и др. Между такими парами обычно существуют совидовые отношения, где русское слово обозначает общее название предмета, понятия, а туркменское заимствование конкретизирует его по каким-то особым признакам. Например, *бахши* — не всякий певец, а исполнитель туркменских народных песен в сопровождении дутара и гиджака (или только дутара), а *инером* называют не верблюда вообще, а его особо сильную, выносливую породу. Подчеркивая специфическую функцию заимствований из языков народов Средней Азии в русской речи, А. В. Миртов писал, что «от замены пиалы чашкой, кетменя — лопатой или киркой, дувала — забором, арыка — ручьем, наша речь проиграет в точности, исказится по содержанию»¹. Употребляясь, в русской речи для точного обозначения того или иного предмета, явления, понятия, многие

¹ Миртов А. В. Лексические заимствования в русском языке Ф Средней Азии. Ташкент— Самарканд, 1941, с. 9.

туркменские слова обогащают лексико-семантическую систему русского языка, способствуют расширению его выразительных возможностей.

В плане взаимовлияния русского и туркменского языков особый интерес представляет система обращений в туркменском языке и способы ее передачи в русском языке. Слово *жан* «душа, душенька» в туркменском языке, присоединенное к личным именам и терминам родства, выражает ласкательное отношение говорящего к адресату речи, и в этом отношении оно выступает одним из функциональных эквивалентов уменьшительно-ласкательных аффиксов русского языка. Суффиксальная функция слова *джан* в русском языке подчеркивается полуслитным написанием его с тем существительным, к которому оно относится:

— Бедный мой, *Веллек-джан*,— прижимая малютку, посмеивалась Лейла. (Каюм Тангрикулиев «Золотая чаша»).

Появление заимствованного слова в составе устойчивых образных средств является в известной мере свидетельством его семантической освоенности в языке заимствователя. Вместе с тем следует отметить, что и данном случае туркменские слова заимствованы русской речью в составе образных сравнений и их фразеологизация произошла на базе языка-источника.

Наиболее плодотворным приемом освоения иноязычного фразеологизма считается его калькирование. Русские тексты художественных произведений на местную тему изобилуют образными фразеологизмами, скалькированными с туркменских образцов. Некоторые, из них обладают довольно высокой частотностью, таковы, например дословные переводы туркменских фразеологизмов *гечиң өң аягы ялы болмак* («бесцеремонно вмешиваться во все дела, букв. быть, как передние ноги козы»), *товга йүклэймели* («не иметь домашнего-имущества», букв. «можно погрузить и на курицу»):

И опять Потды, *подобно передним ногам козы*, опережает остальных (Сапармурад Ниязов «Дорогие мои»).

— Остался у меня только этот шалаш, так его и *курица унесет на спине* (Б. Кербабаев. Решающий шаг).

На страницах оригинальной и переводной художественной литературы встречаются кальки с пословиц и поговорок туркменского языка. В следующих примерах-цитатах выделенные фразы представляют собой дословные /переводы пословиц: *Ит. үйрер, кервен гечер; Бир элде ики гарпыз тутдурмаз; Гамышы говшак тутсаң, элиңи гыяр*:

— У туркмен, между прочим, есть хорошая пословица: «*Собаки лают, караван идет вперед*» (Ю. Трифонов. Утоление жажды).— У меня дела в городе, может, - на танцы я еще успею.— *Два арбуза одной рукой не удержат* (П. Карпов. Горький колодец).

подавляющее большинство образно-выразительных средств, скалькированных с туркменских образцов — плод индивидуального творчества писателей и переводчиков, однако не исключена возможность, что часть их в результате дальнейшего развития двуязычия может быть освоена носителями русского языка.

В произведениях о туркменской природе, быте, хозяйстве, ремеслах туркменского народа вводятся слова таких тематических групп, как названия:

1. Еды, фруктов, растений.
2. Профессий.
3. Различных бытовых предметов.
4. Жанров литературы, частей произведения.
5. Обозначающие религиозные понятия.
6. Национальные игры и вид спорта.
7. Музыкальные инструменты.
8. Хозяйственные сооружения и их части.
9. Женские украшения.
10. Праздники и торжества и т.д.

Благодаря им, достигается национально – бытовой колорит.

Приведём примеры туркменских заимствований в современном русском языке и художественной литературы, обозначающих **название еды, фруктов и растений**.

1. Плов(ош), зембузи – национальная еда.

.....там готовился плов, **зембузи** и пельмени.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 14.)

2. Чурек – лепешка из сдобного или пресного теста, испечённая в тамдыре.

- Сегодня мне надо печь **чурек**, можно и попозже вернуться.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 19.)

3. Айран – разболтанная в воде простокваша без жира.

– Бог и нам послал бы хоть какую – нибудь козу, чтобы у нас был **айран**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 23)

4. Ковурма– мелко нарезанное жареное мясо, хранимое впрок.

Обнаружив бурдюк с холодной **ковурмой**, он велел одному из своих разогреть её.

(А.Каушуттов «Внук Мергена», «Дружба Народов», №6, 2011 год, стр. 43).

5. Люля – кебаб – кушанье из молотого мяса, зажаренного над огнём на вертеле.

Я угощу сегодня таким **люля – кебабом**, что всю жизнь будешь помнить его вкус.

(В.Серебров «Вкусный обед», «Звезда Востока», №1, 2005 год, стр. 159)

6. Катык – заквашенное после кипячения молоко.

Союн вкушал вермишелевый суп с перцем и кислым молоком – **катыком**.

(В.Серебров «Вкусный обед», «Звезда Востока», №1, 2005 год, стр. 163)

7. Ковурга – национальное кушанье из смеси жареных пшеницы и кунжута.

– Не у тебя огня – на, поджарь **ковургу**.

(В.Серебров «Вкусный обед», «Звезда Востока», №1, 2005 год, стр. 158).

8. Петир – слоёнка, т.е. лепёшка, из слоённого теста.

Одни ловко сажали в печь тонко раскатанное в лепёшки тесто, другие вытаскивали уже готовые румяные **петиры**.

(Л.Добромов «Воспоминание», «Звезда Востока», №2, 2006 год, стр. 28).

Туркменизмы, **обозначающие название профессий**.

1. Маскарабы – клоуны.

Во дворе собралась толпа праздных зрителей и русских, которых привлекали музыканты и **маскарабы**.

(С.Асанова «Приём наследника на престол», «Дружба Народов» №5, 2005 год стр.114)

2. Арабачи – мастер по изготовлению двух – колесных телег.

Он занялся ремеслом отца – **арабачи**

(Е.Пагиев «Над пустынею, гладкой, как щит», «Дружба Народов» №11, 2008 год, стр10)

3. Арбакеш– тот, кто управляет телегой, возница.

Мурад получал почту, греб к берегу, но лентяй **арбакеш** всегда уезжал, не дожидавшись порохода.

(ТиркишДжумагельдиев «Новая история» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 64)

4. Дайханин – крестьянин – земледелец.

Дайханин не имеет привычки вешать на дверь замок.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 34)

5. Чолук - помощник чабана, подпасок.

Молодой чабан шёл, а его **чолук** ехал рядом на ишаке.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 34)

6. Шахир– поэт.

Бахши пел стихи великолепного **шахира**, Махтумкули, умевшего нежно любить и уничтожающе ненавидеть.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №6, 2006 год, стр. 44)

7. Тебиб – лекарь, врачеватель, лечащий средствами народной медицины.
– Не бойся, это настоящий тебиб, и он вылечит тебя.

(ТиркишДжумагельдиев «Сон» «Дружба Народов», №6, 2006 год, стр. 17)

8. Усса – мастер, умелец.

– Я не знаю, как благодарить вас, **усса** – ага, – захлебываясь проговорил он.

(ТиркишДжумагельдиев «Сон» «Дружба Народов», №6, 2006 год, стр. 33)

9. Хеким – правитель округа, провинции.

Став **хекимом** Черрик прежде всего решил приумножить богатства.

(ТиркишДжумагельдиев «Быть или не быть?» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 54)

10. Нанбай – пекарь и торговец хлебом.

Я истинный царь или вскормыш **нанбая**.

(ТиркишДжумагельдиев «Новая история» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 65)

Туркменизмы, обозначающие названия **бытовых предметов**:

1. Янлык - кожаный сосуд для сбивания масла и хранения жидкостей; бурдюк.

Вы тут можете сразу два **янлыка** повесить.

(Х.Дерьяев «Судьба» «Дружба Народов» №6, 2006 год, стр. 72.)

2. Чувал – ковровый мешок, служащий для украшения кибитки и хранения одежды.

Привезла **чувал** муки, каурмы и готового чурека.

(К.Кулиев «Суровые дни» «Звезда Востока», №5, 2008 год, стр. 178)

3. Челек – небольшой плоский бочонок для хранения и перевозки жидкостей.

В **челеке** у него вода. (Б.Кербабаев « Весна на земле туркменской», «Дружба Народов», №4,2011 год, стр. 12).

4. Чанак– деревянная миска. Хыдыр взял окутанный паром **чанак** и вышел из кибитки. (ТиркишДжумагельдиев «Сон» «Дружба Народов»,№4,2006, стр.78)

5. Хум – глиняный кувшин для хранения жидкостей и металлических денег .Яшуливымыл медный умывальник и , напоив его прозрачной водой из большого **хума**, поставила на место .

(Б.Кербабаев « Весна на земле туркменской», «Дружба Народов», №4,2011 год, стр 14).

4. Тулум– мешок из шкуры животных для хранения жидкостей. Абдулла платил деньги, грузил **тулум** с нефтью и отправился к Хыдыру. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 29)

5. Торба – мешочек для хранения мелких вещей, а также для кормления лошадей.

Умывшись, Айдогды достал из **торбы** зеркальце и щипчики.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 31)

5. Пиала – чашка, которой пьют чай.

«..... на столу стояли чайничек и **пиала** ... »

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 32)

6. Наскяды – табакерка для наса из тыквы горлянки.

Булатхан достал из кушака **наскяды** и принялся им колотить овец по спине. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 41)

7. Окора - деревянная миска.

Не успел заикнуться про пшеницу, как он уже явился со своим **окара**.
(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 43)

Туркменизмы обозначающие **название частей произведение и литературных жанров**.

1. Бейт – одна страница.

Из них до нас дошли пока одно **бейт**.

(С.Сомова «Легенда о райхане» «Звезда Востока» №4,2008, стр 56)

2. Газель – форма стихосложения; двустихие лирического содержания.

Ты хочешь развлечь меня сладкими **газелями**, зажигающими в груди
жадный огонь?

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 49)

3. Диван – сборник стихов и поучений, принадлежащих одному автору.

В твои годы пора уже создавать свой **диван**.

(Б.Кербабаев « Весна на земле туркменской», «Дружба Народов», №4,2011
год, стр 44).

4. Дестан – эпическое произведение, в котором проза чередуется с
поэзией.

В басмаческие дни Байрам написал **дестан** против мерзавцев.

(Б.Кербабаев « Весна на земле туркменской», «Дружба Народов», №4,2011
год, стр 54).

5. Касыда – поэтическое произведение хвалебного содержания; ода.

В последние годы писать велиречивые**касыды** сделалось для Аллахи проще,
чем снять с ишака седло.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота»
«Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 59)

6. Месневи – форма стихосложения; двустихие с парной рифмовкой.

Но всюду жили и звучали его газалы, **месневи**.

7. Рубаи – форма стихосложения; четверостишие обладающее смысловой самостоятельностью.

Хитрый старик ... в заключение попытался прочесть на память один из **рубаи** Омара Хайяма.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 63)

Туркменизмы, обозначающие религиозные понятия:

1. Аят – стих из корана.

Вам же настоятельно советую поразмышлять над этим **аятом**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 73)

2. Газават – священная война мусульман против иноверцев, а также несправедливого деспота среди единоверцев.

Говорят, он во время **газавата** отличился.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 23)

3. Джиназа – предпохоронная молитва у мусульман.

Прочитали **джиназу**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 11)

4. Дога – амулет в виде мешочка с зашитым в него текстом молитвы, а также сама молитва.

Его в самых учтивых выражениях просили больше не врачевать не продавать **дога**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 11)

5. Зекат – ежегодный налог в размере сороковой части имущества или дохода.

– У баев бери свой **зекат**, - сказал джигит. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 12)

6. Ковахат – народное практическое толкование мусульманского законодательства с небольшими отклонениями от ортодоксальных норм.

– Но ведь есть еще и **ковахат**, развивающийся вместе с жизнью.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 22)

7. Кыямат - Воскресение мертвых, судный день.

– Видно, настал для нас **кыямат**, сынок.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

8. Намаз – Ежедневная пятикратная молитва обязательная для мусульман. Несколько стариков, собравшиеся для послеполуденного **намаза**, ожидали, сидя у глиняной кельи.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

9. Овлия – кладбище с могилой святого предводителя.

Когда Абдулла вышел на протоптанную тропу, на **овлия** было оживленно.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

8. Ороза – месячный пост, обязательный для мусульман.

Ночь **оразы** шла своим чередом.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

Туркменизмы, обозначающие национальные игры и вид спорта.

1. Айтерек – детская национальная групповая игра.

Отчётливо встали перед её глазами места, где она, ещё девочка, играла с подружками в **айтерек**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 38)

2. Гонетаяк – детская игра по паданию в брошенную вверх палку другой палкой.

Начнём играть в **гонетаяк**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 38)

3. Гореш – национальный вид состязания в борьбе.

Хватит тебе там отсиживаться, торопись на большой **гореш**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 38)

4. Дорташик – разновидность игры в мальчики.

У шалаша двое вооруженных людей играли в какую –то игру, наверное, **дорт– ашик**, горячились, спорили.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 39)

5. Дузум – национальная игра в камешки, игральное поле которой чертят на земле.

Он усаживается напротив Колобка – джигита, чертит квадрат для игры в **дузум**.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 39)

6. Чилик – детская игра, в которой по короткой палочке бьют длинной палкой.

Дети рабочих играли на пустыре в **чилик** и лапту.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 41)

7. Печиз – у северных туркмен: мужская игра на полу с семью костяшками.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 42)

Вдруг все загалдели: «Давай играть в **печиз!**»

8. Монджукатды – вид гадания, при котором девушки и молодые женщины достают из сосуда с водой бусинки, сопровождая это пением четверостиший.

Мы в **монджукатды** поиграем, не возражаешь?

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 43)

9. Ок – кесме вид развлечения, гарцевания на коне.

Пусть хмель царит у всех людей на уме

Пусть удалцы свершают **ок** – кесме.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 43)

10. Юзук – народная групповая игра на нахождение спрятанного предмета. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

Толпа стоит вокруг - йигиты ждут награду за **юзук**.

Туркменизмы, обозначающие музыкальные инструменты.

1. Гиджак – национальный музыкальный инструмент, похожий на скрипку.

Мне всегда кажется, что **гиджак** рассказывает только о печальном.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 28)

2. Гопуз – девичий губной музыкальный инструмент.

Всё время, пока звучал **гопуз**, девочки, окружавшие Джерен молчали.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 28)

3. Дугар – национальный двухструнный музыкальный инструмент.

Якши – Малид вздрогнул и быстро отложил **дугар** в сторону.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 28)

4. Карнай – духовой инструмент.

Сборщик налогов схватился за рукоять сабли, но тут снова пропели **карнаи**. (ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 30)

5. Саз – мелодия, звуки музыки.

Чего – то я такого **саза** не помню, - сказал АтаМерген, прослушав песню Ораза.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 29)

6. Сурнай–духовой музыкальный инструмент, похожий на флейту. Слышался им боевой зов **сурная**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 30)

7. Тар – струнный музыкальный инструмент.

На ящике крутился,шипел, чёрный круг, а из трубы летела чья – то задушевная тягучая песня и тренькающая звуки **тара**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 29)

8. Туйдук – камышовая дудка.

За колодцем пастух играл на **туйдук**есвою сердечную печаль.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 31)

Туркменизмы, обозначающие хозяйственные сооружения и их части.

1. Айван – лёгкая открытая терраса, веранда.

Мир – садык приблизился к дому и поднялся на **айван**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

2. Балахана – легкая надстройка на плоской крыше дома.

Когда поднимались на **балахану**, весь его гнев улетучивался, и он с надеждой посматривал на север, откуда должны были явиться высокие гости.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 17)

3. Гумбез – выпуклая крыша в виде полушария.

Там Ага – Юнус и Гуль – Ширин устраивают похороны Гёр – оглы и воздвигают на его могиле золотой **гумбез**.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 17)

4. Зиндан– темница, построенная в подземелье.

Он бросил его в тёмный **зиндан**.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 18)

5. Казыхана - помещение, где находится канцелярия кази.

Сухие, полусгнившие талы росли вдоль улицы, что вела к **казыхане** и помещению бочки.(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 19)

6. Супа – глиняное возвышение, устраиваемое во дворе для сидения или лежания.

Купив лепёшку и заказав чаю, он расположился с краю **супы**, устланной кошмою.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 19)

7. Теляр – навес, построенный на столбах, без боковых стен.

Не веришь, мой младший не дожидался,когда она сядет на **теляр** с сушёнными дынями.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 16)

8. Чадыр – временное жильё из плотной ткани шатер.

Под растянутыми на полках **чадырами** – обрывки пропыленных кошм, сменявшая пестрота лохмотьев,казаны и куры.

(ТиркишДжумагельдиев «Энергия страха, или Голова жёлтого кота» «Дружба Народов», №4, 2011 год, стр. 20)

Выводы по II главе.

Таким образом, туркменский язык оказывает определенное влияние на местную русскую речь, которое проявляется в пополнении ее лексики новыми словами, обладающими денотативной или коннотативной функциями. По-разному насыщены туркменскими словами тексты научных трудов, публицистических произведений и художественной литературы. Лексико-семантическая система русского языка данного региона отличается от русского литературного, языка не только наличием в нем туркменских лексических заимствований, но и использованием образно-выразительных средств, генетически восходящих к туркменскому языку.

Иноязычное слово может заимствоваться в целях назвать единое, нерасчлененное понятие одним словом, а не описательным оборотом. Известно, что всякое понятие, выраженное средствами одного языка, можно передать на втором языке, не применяя средств первого языка. Например, значения туркменских слов *гельнедже*, *мираб*, *чурек* могут быть переданы на русский язык соответственно при помощи следующих описательных оборотов: «жена старшего брата или родственника», «распределитель воды в оросительной сети для полива», «лепёшка из сдобного или пресного теста, испечённая в тамдыре». Одну вещь, один предмет, одно явление удобно назвать одним цельнооформленным словом, а не аналитическим образованием, что устраняет противоречие между расчлененностью формы и монолитностью обозначаемого предмета мысли. Отношения между единицами двух контактирующих сторон в данном случае выражаются в том, что «иноязычное слово предпочитается исконному описательному обороту, если оба они служат наименованиями нерасчлененного понятия».

Туркменские слова включаются в русский текст не только из-за необходимости номинации, но и в стилистических целях.

Глава 3. Освоение туркменских слов русским языком.

§1. Грамматическое оформление туркменских слов в русском языке

Всякое заимствование, попадая в текст на втором языке, подвергается определенным изменениям, которые обусловлены своеобразием грамматической структуры контактирующих языков, несовпадением способов выражения грамматических значений в двух языках. Туркменские слова в русском тексте утрачивают морфологические признаки, присущие им в языке-источнике, и оформляются согласно внутренним законам русской грамматики. Подчинение морфологической структуры иноязычного слова правилам заимствующего языка вызвано тем, что слова заимствуются, как правило, для номинации нового понятия или для выражения дополнительной информации, и в процессе заимствования степени соответствия морфологических показателей заимствуемого элемента грамматической системе языка-заимствователя почти безразлична. Совпадение или расхождение грамматической характеристики заимствованного слова с его оформлением в языке-источнике связано со степенью типологического сходства контактирующих языков. Для морфологии туркменского языка характерна агглютинация, под которой понимается присоединение к корневой морфеме в определенной последовательности аффиксов, имеющих словообразовательное или формообразующее значения. В русском же языке, принадлежащем по своему грамматическому строю к языкам флективным, широко используются префиксация, суффиксация, чередование звуков. В отличие от туркменского языка, где каждый аффикс выступает выразителем преимущественно одного грамматического значения, в русском языке служебные морфемы обычно имеют несколько грамматических значений одновременно.

Морфологическая структура туркменского и русского слова отличается друг от друга и по характеру корневой морфемы. В туркменском языке

корневые морфемы часто функционируют как самостоятельные слова с вполне конкретным значением. В оформлении русского слова как цельной лексико-семантической единицы почти всегда участвует кроме корня (обычно не обладающего самостоятельным лексическим значением и выступающего в нескольких значениях) и служебная морфема, имеющая словообразовательное или грамматическое значение. Все эти различия накладывают отпечаток на характер морфологического оформления туркменских слов в русском тексте. Так, отдельные туркменские слова, состоящие в языке-источнике из нескольких морфем, на новой почве воспринимаются как непроемлемые основы. Например, туркменские двухморфемные слова *аксакал*, *буренджек*, *джарчи*, *кошар*, *чарвадар*, трёхморфемные — *атбашичи*, *гелналыджи*, *онбаши*, четырех морфемные — *атлыбаши* на русской почве признаются корневыми морфемами. И наоборот, отдельные туркменские слова типа *арча*, *бугра*, *камча*, *молла*, *тенььга*, *чорба* в русском языке воспринимаются как словоформы, разделенные на корневую и флективную морфемы, хотя в языке-источнике они являются одноморфемными словами. При переходе двухморфемных слов *ковур+га*, *ковур+ма*, *мей+хана*, *чайл-хана* в русский текст изменяется место стыка морфем, и на новой почве они *делятся* на морфемы в виде *ковург+а*, *ковурм+а*, *мейхан+а*, *чайхан+а*. Таким образом, туркменские слова, попадая в русскую речь, с этимологической точки зрения подвергаются опрощению, усложнению и переразложению. Процесс заимствования небезразличен к принадлежности слов к тому или иному лексико-грамматическому разряду. Абсолютное большинство заимствованных слов составляют имена существительные, что объясняется проникновением в русскую речь прежде всего слов, называющих национально-специфические предметы, явления, понятия, реалии. Более того, «данная категория слов относится к наиболее проницаемой части лексической системы языка, так как связь и «сцепления» между именами менее прочны, чем у слов, доставляющих другие лексико-

грамматические группы»¹. Все прилагательные и глаголы, образованные от туркменских основ, мотивированы именами существительными. Из других частей речи в русском тексте встречаются единичные слова, выполняющие функции частиц и междометий. Слова со значением частиц могут выражать благодарность (*саг-бол*), приветствие (*арма, салам, салам-алейкум*), согласие (*якши*), прощание (*хош*), доброе пожелание (*энишалла*) и другие оттенки значений. Сравнительно часто в русский текст *вводятся* междометия, выражающие равнодушие (*ай*), восхищение (*аперин*), удивление (*бай-бое, бе, вий, тоба*), одобрение (*бере-келла, тувелеме*), боль (*вай*), сожаление (*вах*), радость (*хейджанелек*), сетование (*дат-бидат*) и др. По морфологической природе частицы и междометия являются неизменяемыми и не входят в тесные синтаксические связи с другими словами контекста.

С точки зрения морфологического оформления в русском языке значительные сложности представляют имена существительные, которые заимствуются в форме именительного падежа единственного числа. Каждое русское существительное в данной форме относится к конкретному роду и будучи ведущим компонентом словосочетания, подчиняет другие слова, способные изменяться по родам. Поэтому распределение туркменских заимствований по родам имеет важное значение. Поскольку грамматической структуре туркменского языка несвойственна категория рода, закрепление туркменских слов в русском языке за определенным родом происходит на почве языка-заимствователя.

Родовая принадлежность существительных со значением живых существ устанавливается с учетом биологического пола. На новой языковой основе личные существительные, обозначающие мужчин, относятся к мужскому роду (*ага, аксакал, арчин, ахун, бай, йигит, калтаман, магсым, меджевур, пир, сопи, ходжа, чабан, яшули*), а слова со значением наименования женщин — к женскому (*гелин, гельнедже, дайза, кайтарма, кениз, кыз, пери,эдже,эльти*).

¹ Слепцов П.А. Русские лексические заимствования в якутском языке. Якутск, 1974, с.122

Одним из критериев при родовой дифференциации неодушевленных существительных является, как и в исконно русских словах, оформление конца слова. Основы на согласные обычно воспринимаются русским языком как существительные мужского рода: *агыл, адат, азан, айван, айран, акбаш, батман, борук, гиджак, гореш, осетин, диван, зекат, зиндан, казан, канар, килим, кундук, меллек, намаз, палас, саман, селин, силь, таган, танап, той, тут, ховуз, чилим, юзук, яшмак*. Некоторые слова на *-а* признаются как слова женского рода: *алача, букджа, кала, касыда, торба, хурма, чайхана, чатма, чорба, ярма*. Отдельные заимствования на *-е* квалифицируются как слова среднего рода: *кеджебе, кепбе, кульче, ляле, пишме*.

В этой связи интересен тот факт, что на русской почве происходит переосмысление состава заимствуемого слова: финальные гласные основы туркменских слов в русском языке часто воспринимаются как окончания, так как наличие гласной фонемы в исходе основы существительных нехарактерно для морфонологической системы русского языка. В туркменском же языке существительные могут оканчиваться на гласные *-а, е(-э) > -и, -ы*, которые преимущественно бывают ударными. При фонетической адаптации заимствований эти гласные сохраняются, и основы на такие гласные пополняют разряд неизменяемых существительных русского языка, по законам грамматики которого иноязычные слова с ударным финальным гласным не входят ни в одну парадигму склонения существительных. Отсюда возникают серьезные трудности при определении родовой принадлежности отдельно взятого туркменского слова по исходной форме. Нередко встречаются случаи, когда заимствования с одним и тем же конечным гласным отнесены к трем различным родам. Срв. несовпадение родовой характеристики основ на *-а*:

Черный танка на два чайника воды то виднелся в ярком пламени яндака, то пропадал из глаз (Б. Сейтаков. «Живая дань»). *На голове у девушки — гупба, украшенная шариком — готазом* (Б. Кербабаев. «Весеннюю порою»). *Мокрое кожаное ведро подхватывал один из чолуков, опрокидывал*

в продолговатое нова, у которого месили грязь (Я. Мамедиев. «Родная земля»).

Большинство заимствований со значением лица и с конкретно-предметным значением имеет морфологически выраженную оппозицию по категории числа, и форма множественного числа образуется с помощью аффикса *-и (ы)*: *каландар-каландары, мираб-мирабы, шахир-шахиры, эмин-эмины; гиджак-гиджаки, дутар-дутары, кяриз-кяризы, хорджун-хорджуны*. У неизменяемых существительных значение множественного числа определяется по контексту:

Гелин принялись пуще прежнего чесать языки (Б. Кербабаев. «Решающий шаг»). *Слова Черкез-ишана повергли всех сопи в уныние перед будущим* (Х. Дерьяев. «Судьба»). *В других медресе ученики сидят по кельям, разбирают старые книги* (П. Скосырев. «Ваш покорный слуга»).

Заимствованные существительные с вещественным (*айран, дограма, кокнар, нас, сузьма, чал, чекдырме, ярма*), отвлеченным (*адат, азан, бушлук, намаз, туркменчилик, шарият*) значениями, названия народных игр (*сорси, дуззум, печиз, чилик, юзук*) употребляются только в форме единственного числа. К некоторым заимствованиям, обозначающим названия одежды и обуви, часто прибавляются по аналогии с их функциональными соответствиями из собственно русских слов окончания множественного числа: *балаки* (срв. *брюки*), *аковуши, чарыки, чепеки, чокаи* (срв. *лапти, сапоги*). Случаи употребления подобных слов в форме единственного числа встречаются редко.

Полную парадигму склонения имеют туркменские заимствования с основой на согласные, относящиеся к мужскому роду. Не наблюдается единства при склонении заимствований с основой на ударный *-а*, особенно двусложных, часть которых в одних случаях изменяется по падежам, в других — нет:

Ходил важно, все ему кланялись, называли «агой», хотя борода его только округлялась (А. Мамедов. «Звезды над Экеремом»). *Гость с*

нескрываемым высокомерием оглядел двор Аширкули-ага (Б. Сейтаков. «Поэт»).— *Когда сеяли, **ходжи** не было, косили — тоже, а на току он тут как тут* (Туркменский юмор).— *Забыли, что в этом уголке Каракумов живет только один наш род святых ходжа..?* (Р. Эсенов. «Шайтан»).

Более последовательно склоняются заимствования с основой на *-а*, состоящие из трех и более слогов:

Тот понял, что ему придется участвовать в возвращении невестки с кайтармы (В. Рыбин. «Государы и кочевники»). *Шукурбек словно назло тем, кто ушел вниз, занял деньги у баев и построил рядом с орачой дом* (Б. Солтанниязов. «Сумбар течет»). *Непес побежал заседлывать лошадей, а Ораз завернул в михманхану* (Д. Зотов, Ч. Аширов. «Беглецы»).

Наблюдения показывают, что такие факторы, как перенос ударения на русской почве с финального гласного на предыдущий слог, высокая частотность употребления, и широта сферы распространения в русской речи, многосложность слова позволяют включить туркменские заимствования в систему склонения существительных русского языка.

В современном русском литературном языке существуют системные ограничения на склоняемость существительных¹, что распространяется и на туркменские заимствования. Кроме данной группы к числу несклоняемых относятся заимствованные существительные с основой на ударный *-е* (*гельнедже, кеджебе, кульче, ляле, медресе, пишме, репиде, худжре, чекдырме, эдже*), *-и* (*азанчи, бахши, гуляби, джарчи, кетени, онбаши, пери, сопи, халили, яшули*), *-ы* (*кяды, тозы, токлы, хырлы, чалы*). Характер реляционных отношений в контексте определяется сопоставлением их с соответствующими падежными формами существительных, имеющих полную парадигму склонения:

Потом, как принято, девушки вывели ее из кеджебе (срв. *паланкина*) (Т. Джумагельдыев. «Следы в пустыне»). *Воспоминания о брате для бахши*

¹ Смирнова Г. А. Несклоняемые существительные в современном русском литературном языке. — Русский язык в национальной школе, 1980, № 6, с. 11—13.

(срв. певца) были тесно связаны с любимым искусством (Н. Сарыханов. «Шукур-бахши»). Голопузые дети, бегающие взапуски с борзоподобными тазы (срв. собаками) — таков фотографический пейзаж белуджского аула (В.Козин. «Мир границ»). Неизменяемость заимствований данной группы обусловлена прежде всего тем, что они на исходе корневой морфемы имеют ударный гласный, что несвойственно собственно русским существительным. Вместе с тем следует подчеркнуть, что это явление соответствует наметившейся в русском литературном языке тенденции, согласно которой в настоящее время идет «развитие грамматического строя русского языка в целом и системы склонения, в частности, в сторону всё большей аналитичности»¹.

Рассматривая склонение туркменских заимствований в русском языке, необходимо обратить внимание на одно специфическое явление. Среди туркмен распространен обычай обращаться к лицам или упоминать их с прибавлением к личному имени терминов родства (*Байрам-ага, Джемал-дайза, Сона-эдже*), различных титулов, должностей (*Бекмурад-бай, Мухаммед-ишан, Ораз-сердар*), слов, обозначающих род занятий (*Курбан-бахши, Хайдар-чайчи, Ягмур-шахир*) и др. Этот обычай, естественно, отражается в языке, и через переводную и русскоязычную оригинальную литературу подобные явления попадают в русский язык, где они оформляются как сложные существительные. Наблюдения показывают, что в их склонении нет единообразия. Туркменские заимствования, идентичные в структурном и акцентологическом отношении, склоняются по-разному, при этом встречаются случаи, когда:

изменяется первый компонент: *Он ждал к себе в гости Ильяса-торе* (А. Каушатов. «Последний старшина»). — А ты знаешь, новый-то башлык, он ведь не иначе как приходится сыном тому *Эсену-джерчи* (Т. Джумагельдыев. «Следы в пустыне»);

¹ Мучник И. П. Неизменяемые существительные, их место в Системе склонения и тенденции развития в современном русском литературном языке. — В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М.: Наука, 1964, с. 151.

изменяется второй компонент: *Никто в семье Кулназар-аги не мог определить, чем болен Джума* (Б. Кербабаев. «Пастух»).— *С ишан-агой вообще нельзя спорить* (Х. Дерьяев. «Судьба»);

изменяются оба компонента: — *Что касается приглашения Аннатувака-сердара, то мы посоветуемся со старейшинами* (К. Кулиев. «Суровые дни»). — *Говорят, Матьякубу-дарге нужны работники* (Б. Сейтаков. «Живая дань»);

оба компонента не изменяются: *Настроение Курбанага вконец испортилось* (Д. Зотов, Ч. Аширов. «Свадьба без невесты»).— *Сколько времени прошло, как я не виделся с тобой и с Кияс-ага* (Р. Геленов. «Огулай»).

Для упорядочения подобного разнобоя за основу можно принять первый случай (что и наиболее часто встречается на практике), если второй компонент сложного существительного выражен неизменяемым словом (*бахши, гельнедже, торе*). Когда же в качестве второго компонента выступает слово с полной парадигмой (*бай, ишан, сердар*), желательно просклонять только второй компонент, независимо от того, является ли первый компонент изменяемым или нет. Целесообразность такого вывода вытекает из самой природы данных слов, которые воспринимаются на русской почве как целостные лексические единицы. Только второй компонент изменяется также при склонении других структурных типов сложных существительных, восходящих в языке-источнике к составным наименованиям:

Посольство поселилось в *караван-сараяе* (В. Бахревский. «Шахир»). Штаб отряда, или, как его называли, диван Эзиз-хана, находился в *караван-сараяе* Анны Кочака (Б. Кербабаев. «Решающий шаг»). *До курбан-байрама осталась неделя. Это на руку.* (Т. Джумагельдыев. «Потерянный»).

Таким образом, в русскую письменную речь включаются в основном имена существительные, подчиняющиеся грамматическим нормам языка-получателя. Колебания в роде и непоследовательность склонения отдельных

заимствований вызваны отличиями в морфонологических системах контактирующих языков, а также не изученностью заимствованной лексики с точки зрения норм употребления.

В русский язык проникают как корневые, так и производные туркменские слова. Среди последних наиболее употребительны заимствования с агентивным суффиксом *-чи* (*азанчи, бушлукчи, гиджакчи, дутарчи, тамдырчи, чайчи, халвачи*), производящая основа которых также заимствована местной русской речью. Сопоставление однокоренных слов типа *азанчи* и *азан*, *бушлукчи* и *бушлук*, *туйдукчи* и *туйдук* способствует осознанию производности первых основ и освоению функции аффикса *-чи*. В русской речи встречаются туркменские заимствования, имеющие в языке-источнике аффиксы *-ма/-ме* (*дограма, кайнатма, кайтарма, когурма, чекдырме, ярма*), *-лык\-лик* (*енлик, курбанлык, намазлык, худжралик*), *-кеш* (*арбакеш, терьякеш*), *-хана* (*аишхана, мейхана, михманхана, са-манхана, чайхана*), *-лы/-ли* (*кумли, хырлы*), *-даш* (*ат-даш, сакгалдаш*). Среди заимствованных сложных слов некоторую регулярность имеют компоненты *ак-* (*акбаш, аксакал, акшекерек*), *-баши* (*атлыбаши, есаулбаши, караванбаши, онбаши, юзбаши*). Использование заимствованной лексемы в качестве производящих основ считается одним из признаков освоенности иноязычных слов в языке-получателе¹. От туркменских основ на базе русского языка образуются существительные, прилагательные и глаголы.

В образовании новых существительных от заимствованных основ участвуют суффиксы: *-ист* прибавляется обычно к названиям туркменских музыкальных инструментов и образует слова со значением исполнителей на них: *дутарист, гиджакист, гопузист*; *-ец*: производит новые существительные, обозначающие лица по их принадлежности к какой-нибудь этнической группе или местности, названной в производящей основе: *атинец, емрелинец, текинец, эрсаринец, аишабадец, тедженец, тахтинец\ -овец*, обособленный от суффикса *-ец*, образует названия лиц по их

¹ Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке, с. 35.

принадлежности к определенной группировке, течению, к лагерю какой-нибудь личности: *джунаидовец, эзизовец*; *-щик* от названий конкретных предметов образует новое слово, обозначающее лицо по его отношению к предмету (*дутарщик, кетменщик*), от основ со значением группы лиц образует существительное со значением конкретного лица из этой группы (*аламаник, караваник*), от заимствованных названий помещений, заведений образует слова со значением обладателя, служителя того, что названо производящей основой (*аишханик, мейханик, чайханик*); *-к(а)* производит существительные со значением лиц женского пола: *йомудка, текинка, дутаристка, гопузистка*; *-ник* образует существительные мужского рода, обозначающие лица по их отношению к предмету, явлению, названным в производящей основе (*туйдучник, хошарник*), от заимствований со значением названий деревьев, кустарников, трав образует слова, обозначающие группу этих растений (*тальник, тугайник, тутовник*); *-ств(о)* от основ со значением названий лиц образует существительные, обозначающие род занятий, деятельности данных лиц (*аламанство, дайханство, калтаманство*), а также должности, мотивированные названием лица (*мирабство, ханство*).

Как видно, из всего многообразия средств, участвующих в образовании новых слов в русском языке, к туркменским основам прибавляются лишь отдельные суффиксы. Следует также отметить, что функции перечисленных аффиксов в данной роли незначительны по сравнению с их словообразовательными возможностями от собственно русских основ.

§2. Графемно-фонетическая передача туркменских слов в русском языке.

На освоение заимствуемой лексики значительное влияние оказывает графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка, ибо без такой передачи оно «воспринимается в тексте как иноязычное вкрапление, несвязанное с окружающими словами»¹.

Графический облик туркменских слов в русском языке претерпевает изменения, причем в ряде случаев, допускается вариантность, препятствующая семантизации туркменского заимствования русскоязычным читателем. Например, слово **борук** (туркм. *борук* - устар. Женский головной убор цилиндрической формы, которые носили замужние туркменки. *Девочка, прыгавшая от радости, сорвала с головы подруги Дунии борук и подбрасывала вверх.* Т.Джумагельдыев. «Жена младшего брата». *И женичины, не задумываясь, меняют освещённый столетним обычаем внушительный борук на лёгкий платок.* Т.Таганов. «Хурджемал-тотам».) встречается в русской письменной речи на туркменскую тему в десяти вариантах – *берек / берик / берук / берык / берюк / бёрик / бёрук / борук / борык / бэрык; хоржун* (туркм.хоржун. Переметная сума с двумя частями. *Садап, стараясь не шуметь, потянулась к хорджуну.* Д.Зотов, Ч.Аширов. «Родная кровь».) передается в русском тексте в таких вариантах, как *курджум / куржум / хорджум / хорджун / хоржун / хурджин / хурджум / хурджун; чекдирме* (туркм.чекдирме.Блюдо из свежего парного мяса. – *Эх жизнь,когда это нам приходилось видеть мягкий, только что из тамдыра чурек и жирное чекдырме?* Ч.Аширов. «Следопыт».) имеет варианты *чакдырма / чекдирме/ чекдырме / чектирме / чектырме / чихиртма*. Немало туркменских заимствований пишется в русском языке в двух – трёх графических вариантах. Это обстоятельство делает весьма актуальной разработку основ унификации написания туркменских слов в русском языке.

¹ Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке, с. 38.

Следует подчеркнуть, что вариантность написания характерна для новых заимствований в русском языке не только из туркменского, но и из других языков среднеазиатского региона. Необходимость упорядочения русского написания туркменских слов неоднократно подчеркивалась исследователями. Были предприняты более или менее удачные попытки разработать определенную систему графемно-фонетической передачи и транскрипции туркменских слов в русском языке, причем эти попытки были осуществлены на материале как имен собственных, так и нарицательных существительных¹. Тем не менее, вопрос об орфографировании туркменских слов в русском языке не считается полностью разрешенным.

Фонетически мотивированные расхождения между написанием туркменского, заимствования в языке-источнике и в русском языке, наблюдаются и при передаче некоторых слов, не имеющих в составе специфических туркменских букв. Это обстоятельство позволяет заключить, что в русский язык передается произношение туркменских заимствований в языке-источнике. Лишь немногие туркменские слова со специфическими буквами иногда пишутся в русскоязычной этнографической литературе в соответствии с орфографическими нормами языка-источника и функционируют как вкрапления. Таковы, например, названия разновидностей девичьих песен *айаак-лээле, дамак-лээле, додок-лэдле, хыммыл-лээле, эчек-лээле*, введенные А. П. Поцелуевским в текст статьи «Стихотворный, ритм гокленских народных песен»².

Отсутствие системы в передаче туркменских специфических звуков и непоследовательность отражения в русской письменной речи характерных для каждого из контактирующих языков фонетических законов - основная причина возникновения вариантности в русском написании туркменских слов. К вариантности приводит также противоборство между стремлением

¹ Назаров О. Графемно-фонетическая передача туркменских слов в русском языке. -1974 год № 6. С. 52-60.

² Поцелуевский А. П. Избранные труды. Ашхабад: Ылым, 1975, с. 303—318.

ввести в русский язык национально-специфические орфограммы и тенденцией соблюдения традиционные нормы русской письменности.

Вариантность в русском написании туркменских слов, как и расхождения между их графическим обликом в двух контактирующих языках, тесно связаны с различиями в звуковом строе русского и туркменского языков. Эти различия проявляются как в их фонемном составе, так и в действиях фонетических законов. Кроме специфических звуков *o*, *ɣ*, *ə* туркменский вокализм характеризуется фонематическим противопоставлением гласных по долготе-краткости, а долгое произношение русских гласных обусловлено их позицией в слове по отношению к месту ударения. В области консонантизма большинство русских согласных бывает твердыми и мягкими, причем эта оппозиция имеет фонематическое значение. Согласные же туркменского языка таким признаком не обладают. Это осложняется и тем, что оба языка пользуются однотипными алфавитами, которые имеют свою специфику в отражении звуковой структуры каждого обслуживаемого ими языка. Русский алфавит использует одни и те же знаки для обозначения как твердых, так и мягких согласных. Если последний все же дифференцирует на письме твердые и мягкие

Серьезные трудности возникают при передаче в русском языке туркменских слов со специфическими гласными *o*, *ɣ*, *ə* . Чуждость этих звуков фонетической системе русского языка, стихийность процесса их графического переоформления порождают разноречие в русском написании слов с данными гласными. Следует подчеркнуть, что в отдельных работах отмечается возможность субституции туркменского гласного *o* через русскую букву *ё*, *ɣ* через *ю*, *ə* через *я*¹; предлагаются также замены *o* буквой *o*, *ɣ* — *y*, *ə* — *a*².

¹ Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. 1. Фонетика и морфология. Ашхабад, 1964, с. 15.

² Атаниязов С. Некоторые замечания к транскрипции географических названий Туркменистана, с. 83; Тачмурадов Т., Чарья-ров Б. Вопросы двуязычия и многоязычия в условиях Туркменской ССР, с. 19. ЙШ', 5-2259

В местной русской письменной речи широко распространена передача туркменских специфических гласных через *о, у, а*. Сторонники замены гласных *ө, ү, ә* буквами *ё, ю, я* считают, что при подобной передаче русское написание туркменских слов лучше отражает звучание их в языке-источнике. Последняя точка зрения представляется спорной и нуждается в уточнении.

Действительно, согласные туркменского языка в соседстве с гласными переднего ряда, какими являются и специфические *ө, ү, ә*, произносятся с некоторой палатализацией. Однако они слышатся намного тверже, чем соответствующие им мягкие согласные в русском языке. И, наоборот, туркменские согласные, сочетающиеся с гласными непереднего ряда, произносятся несколько мягче по сравнению с твердыми согласными русского языка. Вообще в туркменской фонетике дифференциация согласных по твердости-мягкости не происходит так отчетливо, как в русском языке, где данный признак представляется категориальным. Попадая в русский язык, туркменские согласные в составе заимствований подчиняются уже правилам русской письменности и воспринимаются либо как твердые, либо как мягкие фонемы. Следовательно, при любом способе передачи туркменских специфических гласных — передаются ли они через *ё, ю, я* или через *о, у, а* — на новой почве неизбежны изменения в фонетическом облике прототипа. Все же основными субститутами специфических гласных *ө, ү, ә* следует считать *о, у, а*, что обладает, на наш взгляд, рядом преимуществ перед передачей их через *ё, ю, я*.

При замене специфических гласных буквами *ё, ю, я* предыдущие согласные в туркменских заимствованиях значительно смягчаются, а при использовании субституты *о, у, а* происходит их отвердение. Как видно, в каждом случае звуковой облик прототипа что-то теряет. Когда полного фонетического совпадения заимствованного слова в двух языках достичь невозможно, желательно выбрать тот вариант, который соответствует традиционным нормам русской письменности. Им является способ передачи специфических гласных через *о, у, а*. Уместно подчеркнуть также, что

туркменские гласные переднего ряда оказывают влияние не только на предшествующий, но и последующий согласный. Замена же специфических гласных буквами *ё, ю, я* способствовала бы мягкому произношению лишь предыдущего согласного, а мягкость последующего согласного все же осталась бы неотраженной. Следует учесть и тот факт, что качество согласного зависит также от долготы и краткости специфического гласного: перед краткими гласными палатализация предыдущего согласного ощущается менее отчетливо, чем перед долгими. Поэтому замена специфических кратких гласных буквами *о, у, а* способствует воспроизведению исконного звучания туркменского заимствования не в меньшей степени, чем передача их через *ё, ю, я*. При замене же специфических долгих гласных могут быть использованы оба субститута в зависимости от конкретной позиции их в слове. При обоих способах передачи анлаутные специфические гласные заменяются нейотированными буквами. Субституция их через *о, у, а* и в других позициях делает русскую передачу одного и того же звука более стройной.

Не менее важным является и то, чтобы туркменские заимствования органически вошли в систему русской письменности. Субституция специфических гласных буквами *ё, ю, я* привела бы к появлению чуждых для русской письменности буквосочетаний: *жё, жю, жя; чё, чю, чя; шё, шю, шя*. Понятно, что йотированные буквы в подобных орфограммах лишены какого-либо значения. Такое написание лишь нарушает стройность русской орфографии и мешает усвоению установившихся норм русского правописания. Это является еще одним аргументом в пользу признания букв *о, у, а* более приемлемыми субститутами специфических гласных туркменского языка.

При преобладающем использовании субститутов *о, у, а* в отражении туркменских специфических гласных в русском тексте нередко встречаются случаи передачи последних не только через *ё, ю, я*, но и посредством других букв, что приводит к увеличению графемно-фонетической вариантности. Из

всех трех специфических гласных наибольшую вариантность при передаче в русском языке порождает лабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема **o**, который в аналогичных фонетических позициях обозначается русскими буквами: **a** (*кавуши*<*кoвуш*), **e** (*тевеллачи*<*тoввеллачы*), **o** (*созен*<*сoзен*), **y** (*курек*<*кoрек*), **э** (*дэв*<*дoв*).

Букву **o**, обозначающую краткий гласный, целесообразно заменить во всех позициях буквой **o**, что и наблюдается на практике: *овлия*< *oвлуйа*, *гореш*<*гoвреш*, *човши*<*чoвши*. Буквой **o** передается также долгая гласная фонема **o:**, находящаяся в абсолютном начале слова и в позициях после шипящих. В других позициях эту фонему было бы уместно передать через букву *ё* (*гёклен*<*гoклен*, *гёкнар*<*гoкнар*), однако этому препятствуют особенности русского письма, по правилам которого *ё* пишется только под ударением, и то не всегда. Хотя в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. подчеркнуто, что буква *ё* пишется, «когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова (*узнаем—узнаём, все—всеё*) и «когда надо узнать правильное произношение малоизвестного слова, например, река *Олёкма*»¹, в языковой практике она употребляется последовательно лишь в учебниках и специальных справочниках по орфоэпии. В печати на месте *ё* обычно пишется *e*. Так, слова *гoклен*, *гoкнар*, где ударение падает на последний слог, в русском тексте будут писаться и произноситься как *геклен*, *гекнар*, что совершенно искажает звучание их в языке-источнике. Чтобы предупредить подобное смешение, долгий **o:** в русском языке иногда передают через буквосочетание *eo*: *геоклен*< *гoклен*, *геок-чай*< *гoк чай*. При такой передаче несколько искажается графический облик прототипа, не достигается также необходимая близость к звучанию туркменского слова в языке-источнике. Поэтому в качестве русского субститута туркменского долгого **o:** уместно использовать русскую **o**. Такая передача нередко встречается в русской письменной речи: *гoк-лен*<*гoклен*, *борук*<*бoрук*, *дорт-ашик*<*дoрт ашык*, *чор*<*чoр*.

¹ Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956, с. И.

Туркменский специфический краткий гласный *γ* в русском языке передается обычно через букву *у*: *бу-ренджсек*<*буренжсек*, *дуззум*<*дүззүм*, *курте*<*күрте*, *сум-суле*<*сүмсүле*, *тувелеме*<*түвелеме*. В отличие от других гласных, туркменский алфавит последовательно отражает на письме долготу гласного *γ*: для чего к букве *γ* прибавляется *й*. Буквосочетание *γй*, обозначающее долгую фонему *γ*:, в русском тексте передается через *уй*, но встречаются и случаи, когда данное буквосочетание субституируется через *юй*, а это приводит к появлению отсутствующего в оригинале звука *й*: *туй-дук/тюйдук*<*түйдук*, *туйнук/тюйнук*<*түйнук*. Звук *γ*, следующий за анлаутным *й*, в русском языке передается буквой *ю*: *юзбаши*<*йүзбашы*, *юзук*<*йүзук*, *юк*<*йүк*.

Не имеет соответствия в русском языке туркменский гласный переднего ряда нижнего подъема *э*, который в русском языке заменяется буквами *а* (*маш*<*мәш*, *пальван*<*пәлван*), *э* (*эрсари*<*әрсары*), *я* (*кяриз*<*кәриз*, *ляле*<*ләле*). Передача *э* через *э* приемлема лишь в абсолютном начале слова. В других позициях краткий гласный *э* целесообразно обозначать в русском тексте буквой *а* (*Сахра*<*Сәхра*, *Шахер*<*Шәхер*), а долгий гласный *э*: — буквой *я* (*бязуль*<*бәзүл*, *кясе*<*кәсе*, *теляр*<*теләр*). Из этого можно сделать исключение для передачи долгого звука *э*, последующего за согласными *т*, *д*, где данный гласный желательно субституировать через букву *а*. Это фонетически оправдано, так как замена *э* буквой *я* в такой позиции привела бы к тому, что звуки *т*, *д* воспринимались бы на русской почве как мягкие, а русские *т'*, *д'* отличаются от туркменских и произносятся почти как *ц'*, *дз'*, в то время как русские твердые *т*, *д* произносятся почти как туркменские *т*, *д*¹. Данной особенностью названных звуков вызвана замена *и* буквой *ы* в таких туркменских заимствованиях, как *кендырь*<*көндир*, *кяды*<*кәди*.

Вместе с тем следует отметить, что при графемно - фонетической передаче туркменских слов в русском языке часто встречается замена *ы* буквой *и*. Например, при русском написании туркменских слов со звуко-

¹ Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. 1. Фонетика и морфология. С.23.

четаниями *жы, чы, шы*, которые последовательно передаются через буквосочетания *джи* (*баджи*<*бажы*, *джизлан*<*жызлан*, *хаджи*<*хажы*), *чи* (*арчин*<*арчын*, *бушлукчи*<*бушлукчы*, *сагатчи*<*сагатчы*), *ши* (*бахши*<*багшы*, *санашик*<*санашык*, *якши*<*ягшы*). Такие замены обусловлены спецификой звукового строя русского языка, где шипящие не противопоставлены по твердости-мягкости. Буквы *ж, ш* всегда обозначают твердые звуки, поэтому *хаджы* и *хаджи*, *шых* и *ших* по-русски будут произноситься с *жы, шы*, независимо от того, перед какой буквой он стоит (*арчын* или *арчин*), с *чи* будет произноситься всегда мягкий *ч*. Когда выбор субститута не влияет на звучание заимствования в русской речи, то желательно принять вариант, не противоречащий традициям русской письменности. Такими вариантами являются буквосочетания *жи, чи, ши*.

Вариантность наблюдается при передаче буквы *ы* после заднеязычных *г, к, х* (*агыл* и *агил*, *такыр* и *такир*, *хырлы* и *хирлы*), хотя написания с *гы, кы, хы* (*аргыш*, *кыз*, *кынгач*, *кырнак*) преобладают над передачей через *и*, что объясняется, видимо, стремлением сохранить орфографию оригинала и свойственностью звуковой системе русского языка фонематического противопоставления заднеязычных *г, к, х* по твердости-мягкости.

Если возникновение вариантности *ы/и* после заднеязычных связано с традициями русской письменности, то замену *ы* буквой *и* в ряде туркменских заимствований можно рассматривать как результат отражения на письме фонематической оппозиции согласных по твердости-мягкости, отсутствующей в языке-источнике. Интересно отметить, что в одних словах сохраняется орфография оригинала (*тазы, токлы, топбы*), в других происходит замена *и* (*зиндан, кумли, мискаль*). Однако встречаются и случаи вариантности *ы/и* при написании одного и того же туркменского заимствования: *казы/ка-зи, сопы/сопи, тагсыр/таксир, яшулы/яшули*. На возникновение вариантности *ы/и* в туркменских заимствованиях оказывают влияние и различия в фонетической характеристике звуков, обозначаемых в контактирующих языках буквой *ы*: русский звук *ы* произносится с немного

отодвинутым назад языком, а при произношении туркменского **ы** в отдельных словах язык приближается к месту образования звука **и**, написание же буквы **ы** (**а** не **и**) в таких позициях обусловлено прежде всего последовательным отражением в туркменской орфографии закона гармонии гласных по месту образования.

Значительно меньше изменений, по сравнению с гласными, происходит в системе консонантизма при графемно-фонетической передаче туркменских заимствований в русском языке. Согласные туркменского языка заменяются русскими соответствиями или приблизительными по артикуляционно-акустической характеристике звуками, а звонкая аффриката **жç** и носовой сонант **ң**, специфические для туркменского языка, передаются при помощи буквосочетаний.

Буква **ж** в составе туркменских заимствований в русском тексте почти всегда заменяется буквосочетанием **дж**: *гельнедже* < *гелнеже*, *джарчи* < *жарчы*, *джуваз* < *жуваз*, *оджак* < *ожак*, *оджар* < *ожаар*, *худжре* < *хужре*. В редких случаях звук **жç**, находящийся после глухих согласных, передается через букву **ч**, но наблюдается и замена буквосочетанием **дж**: *бахча* < *бакча*, *букча/букджа* < *букча*.

Туркменский специфический звук **ң** в русском языке передается обычно буквосочетанием **нг**: *кынгач* < *гыңач*, *сингрэн* < *сиңрен*. Удвоенный **ң** передается одним **нг**: *дженгель* < *жеңжел*, *мангал* < *маңгал*, *сенгирь* < *сеңцер*, *туранги* < *тораңчы*. Буква **ң** в конце слова и внутри перед глухими согласными заменяется одним **н**: *зоклен* < *зөклең*, *танка* < *таңка*, *тунче* < *туңче*.

Нет единства в русской передаче туркменских слов с начальной буквой **г**. В туркменском языке данная буква наряду с другими звуками в зависимости от позиции в слове обозначает глубокозадненебный звук **гь** и фриктивный **г**, которые отсутствуют в русском языке¹. По артикуляционно-акустической характеристике глубокозадненебный звук **гь** занимает как бы

¹ Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. 1. Фонетика и морфология, с. 23.

промежуточное положение между русскими твердыми **г** и **к**, в известной мере даже ближе к последнему. Этим объясняется то обстоятельство, что начальная **г** в позиции перед гласными **а, о, у, ы** в русском тексте нередко заменяется буквой **к**. Замена **г>к** последовательно проводится при русском написании таких туркменских слов, как **казан, кала, калам, каландар, калтаман, кандым, карагач, катлама, катык, кош, кулан, курбанлык, кушак, кыз, кынгач**. При орфографировании туркменских заимствований в русском языке определенную трудность вызывают слитные, отдельные и дефисные написания. Большинство туркменских заимствований, представляющих собой цельнооформленные сложные слова в языке-источнике, пишется в русском тексте слитно: **акбаши, аксакал, атбашичи, атгулак, гельнедже, каракулак, онбаши, юзбаши**. Случаи дефисного написания таких заимствований встречаются редко, что характерно для сложных слов, один из компонентов которых функционирует в русском языке самостоятельно. Так, по общему правилу заимствования **дога-баг, караванбаши, пияда-кази** должны писаться (и в ряде случаев пишутся) в одно слово, их дефисное написание в следующих примерах объясняется существованием в русском языке заимствований **дога, караван, кази**:

— *Гляди, гляди, уже сравнялись дога-баг!* (А. Каушуттов. «Последний старшина»). *Караван-баши* подал знак, и погонщики остановили верблюдов (Р. Эсенов, А. Шалашов. «Слезы Турана»). *В этот неподходящий, момент отворилась дверь, и пияда-кази с традиционными словами стал у порога* (Х. Дерьяев. «Вьюга»).

В одно слово пишется числительное **пол** с туркменской основой, к которой оно прибавляется (**полбатмана, полтанана, полчувала, полчурека**).

Туркменские заимствования, являющиеся в языке-источнике раздельнооформленными словами, пишутся в русском тексте через дефис: **ак-падишах, гок-чай, дорт-ашик, кара-чорба, курбан-байрам, люля-кебаб,**

новруз-байрам, шайтан-арба, яглыга-товусмак. В русском языке они воспринимаются как сложные существительные.

Таким образом, графемно-фонетической передаче туркменских слов в русском тексте свойственна вариантность, которая вызвана прежде всего тем, что в одних случаях на русскую почву переносится графический облик туркменского прототипа, в других — его звучание. Преобладающими являются попытки передать в русском языке фонетический облик прототипа. Принадлежность контактирующих языков к типологически разным системам накладывает заметный отпечаток на графемно-фонетическую передачу туркменских слов. Основными субститутами туркменских специфических звуков выступают *ө—о, ʏ—у, ә—а, я; жң—дж, ң—нг, н.* В русском тексте отражаются (хотя и спорадически) и другие различия в звуковом строе русского и туркменского языков. Однако достичь полного фонетического совпадения заимствований в двух языках не удастся. Туркменский вокализм характеризуется наличием корреляции по долготе—краткости, что отражается в туркменской графике не совсем последовательно. Это приводит к отождествлению в русской речи долгих гласных с краткими. Процесс освоения осложняется еще и тем, что в русских словах долгое произношение гласных обусловлено ударением, в туркменском языке же этой связи нет, и ударение обычно падает на последний слог слова. В результате туркменский безударный долгий гласный звук в русской речи звучит кратко, а ударный краткий гласный — долго. Трудности возникают и в связи с приобретением (и его отражением на письме) туркменскими согласными фонематического признака твердости—мягкости, отсутствующего в языке-источнике. Что касается слитного и дефисного написания, то цельнооформленные в языке-источнике сложные слова сохраняют в русском тексте этот орфографический признак, а аналитические образования, части которых оформляются в туркменском языке отдельно или через дефис, в русском тексте пишутся через дефис.

Выводы по III главе:

Почти все туркменские слова освоены в русской речи как имена существительные, единичные заимствования выступают в функции междометия и частиц. Заимствованные существительные подчиняются грамматическим нормам русского языка: дифференцируются по родам, изменяются по числам и падежам. Отдельные существительные допускают колебания в роде. Различия в морфологической характеристике конца основы в контактирующих языках привели к увеличению числа неизменяемых слов в кругу заимствований в русском языке. Производные в языке – источнике туркменские слова осознаются в русской речи как одноморфемные. Некоторые туркменские слова на русской почве выступают как производящие основы, от них путём аффиксации образуются новые существительные, прилагательные, глаголы.

Для графемно – фонетической передачи туркменских слов в русском языке характерна вариантность, вызванная расхождениями в звуковом строе контактирующих языков и отсутствием единых правил написания туркменских слов в русском языке, с одной стороны, и влиянием орфографии тюркизмов общерусского характера, как и среднеазиатских регионализмов, с другой. Орфографирование оказывает заметное влияние на семантическое и морфологическое освоение туркменских заимствований в русском языке.

Заключение

Значительное место в лексике русского языка занимают туркменизмы. Хотя некоторые аспекты изучения туркменизмов в русском языке в той или иной мере затронуты в научных статьях и монографиях различных исследователей, однако в целом туркменская лексика и фразеология еще не подвергалась всестороннему исследованию. Между тем туркменизмы характеризуются яркими специфическими признаками фонетического, семантического и морфологического порядка. На материале туркменизмов можно проследить различные звуковые процессы, лексико-семантические явления, морфологические изменения, что, безусловно, представляет значительный интерес для исследования русского и других славянских языков. Туркменизм, как любое исконное или заимствованное слово, - понятие историческое, а потому все его лексико-семантические связи (в том числе и синонимические) определяются функционально-стилистическим статусом, характерным для хронологически определенного периода бытования в языке-рецепторе. Сопоставление семантических структур туркменизмов с русскими словами позволило определить не только характер семантических изменений туркменизмов при заимствовании, но и направленность семантических модификаций туркменизмов вообще. Оказалось, что туркменизмы испытывают разнонаправленные семантические изменения: они могут сохранить без изменений свои значения или сузить их в русском языке. В основе полисемии туркменизмов лежат те же закономерности, что и для прочих слов русского языка. Попадая в русскоязычную среду, туркменизмы полностью подчиняются системе русского языка. В этом можно видеть своеобразие семантической системы русского языка. Часть туркменских заимствований русского языка постепенно входит в пласт употребительной лексики русского языка (как следствие распространения соответствующих реалий), и поэтому становится

возможной их лингвографическая фиксация (аджика, азу, йогурт и др.). Слова из туркменских языков проникали в русский язык в силу разных обстоятельств: в результате ранних торговых и культурных связей, как следствие военных столкновений и др. Различаются два способа проникновения в языки заимствуемых слов - устное проникновение и письменное, книжное. Туркменизм - это слово или оборот речи, заимствованный из туркменского языка или создание по образцу туркменского языка других слов или выражений. Туркменско-славянские языковые контакты, имеющие многовековую историю, исследуются в различных аспектах. Среди них немаловажное значение имеет изучение лексических связей между русским и туркменским языком на современном этапе, когда гармоническое национально-русское двуязычие, постоянно прогрессирующее, открывает широкие возможности для взаимовлияния и взаимообогащения языков. Взаимовлияние лексики русского и туркменского языков имеет свои особенности.

К этнокультурной лексике относятся:

1) названия природных явлений, характерные для той области, где живут носители данного (определенного) языка;

2) лексика материальной культуры;

3) лексика духовной культуры:

а) термины родственных и семейных отношений и половозрастной классификации людей;

б) термины общественных отношений;

в) слова, относящиеся к духовной жизни людей (музыка, искусство, развлечения), образованию и воспитанию;

г) слова, характеризующие людей в системе общественных связей и ценностей;

д) слова, относящиеся к мифологии, фольклору и обрядам.

Материал, собранный нами из текстов художественных произведений

туркменских писателей, опубликованных в журнале «Дружба народов конца XX – начале XXI в.» показывает, что они обозначают новые для носителя русского языка предметы, явления, понятия и др. В художественном тексте туркменские слова употребляются также для создания национально-бытового и социально-исторического колорита. Туркменские заимствования оказывают позитивное влияние на пополнение словарного состава и обогащение системы образно-выразительных средств русского языка. Большинство туркменских слов семантически не освоены: в русском тексте они объясняются различными способами. В русскую речь вводятся в основном туркменские слова с конкретным значением, для полисемичных слов характерно сужение смыслового объёма, редко туркменское слово заимствуется в двух или трёх значениях. Почти все туркменские слова освоены в русской речи как имена существительные, единичные заимствования выступают в функции междометия и частиц (например: «Вай!», «Вайд дод!», «Вай-вай!») и частиц. Заимствованные существительные подчиняются грамматическим нормам русского языка: дифференцируются по родам, изменяются по числам и падежам. Отдельные существительные допускают колебания в роде. Различия в морфологической характеристике конца основы в контактирующих языках привели к увеличению числа неизменяемых слов в кругу заимствований в русском языке.

Список использованной литературы.

1. Общественно политическая литература.

1. Каримов И.А. Наша высшая цель - независимость и процветание Родины, свободы и благополучия народа. - Ташкент: Узбекистан, 2000.
2. Каримов И.А. Миллий истиклол мафкураси эътиқоди ва буюк келажакка ишончидир. - Тошкент: Узбекистон, 2000.
3. Каримов И. А. Идея национальной независимости: Основные понятия и принципы. - Ташкент: Узбекистан, 2001.
4. Каримов И.А. Человек, его права и свобода - высшая ценность. - Т. 14. - Ташкент: Узбекистан, 2007.
5. Каримов И.А. Либерализация общества, углубление реформ, повышение духовности и уровня жизни народа - критерий и фль всей нашей деятельности. - Т. 15. - Ташкент: Узбекистан, 2007.
6. Каримов И.А. Юксак маънавият — энгилмас куч. - Ташкент: Маънавият, 2008.
7. Каримов И.А. Дальнейшая модернизация и обновление страны — требования времени. // Доклад Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова от 13 февраля 2009.
8. Каримов И.А. Мировой финансово—экономический кризис, пути и меры по его преодолению в условиях Узбекистана. - Ташкент: Узбекистан, 2009.
9. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. // Доклад Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова. Газета «Народное слово». 19 ноября, 2010г.
10. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. - Т.: Узбекистан, 2011.

11. Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны (16-17 февраля 2012 г.)/Учитель Узбекистана, 2012. – 20 февраля.

12. Узбекистон Республикасининг 1997 йил 23 августдаги «Таълим тугрисида» ги қонуни.

13. Кадрлар тайёрлаш Миллий дастури (1997 йил 29 август).

1. 14.Указ президента Республики Узбекистан № 346. О дальнейшем совершенствовании системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

14. Узбекистон Республикаси олий ва урта-махсус таълим вазирининг буйруғи. 581. Магистратура тугрисидаги низомни тасдиқлаш ҳақида.

2. Научно–критическая литература.

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. - М., 2005.

2. Алпатов В.М. История лингвистических учений. - М., 2002.

3. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языкаУ/Тюркские исследования. - М, 2003.

4. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Тюркское предложение. Бытийный тип: (структура и значение). - М., 2002.

5. Асфандияров И.У. Проблемы взаимовлияния и взаимообогащения контактирующих языков на современном этапе. - М., 1984.

6. Бабаходжаев. А.Б. Семантика тюркизмов как основа для расположения их по тематическим группам. // Филологические исследования,- Самарканд, 2007. Выпуск II. - С. 67

7. Баскаков Н.А. Слова тюркского происхождения.- 2-е изд.- М.: Наука, 2003.

8. Белоусов В. Тюркские слова в русском языке // Наука и жизнь. №8. 2003.

9. Боброва Т.А. О среднеазиатских заимствованиях и литературной норме //РЯШ. №2. 2004.

10. Бутылов Н.В. Введение в изучение тюркских языков. - М, 2002.

11. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура Востока. - М., 2005.
12. Виноградов В.В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания, № 3, 2003.
13. Виноградов В.В. Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Вопросы языкознания. № 4, 2001.
14. Винокур Г.О. Культура восточного языка. Изд.2. - М., 2002.
15. Волохина Г.А., Попова З.Д. Парадигматика тюркизмов в русском языке. - Воронеж, 2001.
16. Гайнуллина Н.И. Лексикология русского языка: социолингвистический аспект. - А., 2006.
17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, Т.Ш.- М., 2005.
18. Историко-этимологический параметр в толковых словарях русского языка XVIII - XX веков (на примере тюркских заимствований) / Г.Н.Каримуллина // Русская и сопоставительная филология 2006. - Казань, 2006.
19. К вопросу о методах изучения истории тюркских языков (на материале синтаксических конструкций). / Н.З.Ганжиева // Тюркологические исследования. - Фрунзе: Илим, 1970. - с.3
20. Каюм Тангрикулиев. Золотая чаша. М.,- 1999 г.
21. Киссен И.А. Курс сопоставительной грамматики русского и узбекского языков. - Ташкент, 1970.
22. Константин Кузьмич Юдахин (к 80-летию дня рождения) / К.К.Сартбаев. // Тюркологические исследования. - Фрунзе: Илим, 1970.
23. Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П. М Мелиоранского) // ИОРЯС. 1902. Т. 7.
24. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. - М., 2006.
25. Лингвографические исследования и разработки в Казанском университете / К.Р.Галиуллин, Г.Н.Каримуллина, Р.Н.Каримуллина // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч.

- конф., посвящ. 200-летию Казан, ун-та (Казань, 4-6 окт. 2004 г.). - Казань, 2004. - С.286.
26. Малиновский Е. А. Лекции по Современному русскому языку (24): Лексикология. Фразеология. — Самарканд, 2001. — 83 с.
27. Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвистические взаимосвязи: АДД. - Алмата, 2005.
28. Мендекинова Р.Т. Тюркизмы в языке произведений русских писателей Казахстана (лексико-стилистический аспект). - Алмата, 2005.
29. Миртов А.В. Лексические заимствования в русском языке из языков народов Средней Азии. - Ташкент, 2002.
30. Назаров О. Туркменские слова в русском тексте. - Ашкабад: Ылым, 1984. - 186с.
31. Орешкина М.В. Тюркские слова в современном русском языке: проблемы освоения. - М., 2003.
32. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III - М., 1978.
33. Сеитова Д.У. Лексико-семантическое освоение тюркизмов русского языка. // Русистика в Казахстане: проблемы, традиции, перспективы: Доклады международной научно-практической конференции. - А., 1999. - 358с.
34. Супрун А. Е. К этимологии тюркского слова. Сборник "Этимологические исследования по русскому языку", вып. II. Изд. МГУ, 2006.
35. ТиркишДжумагельдиев .Быть или не быть.//Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 54
36. ТиркишДжумагельдиев .Энергия страха, или Голова жёлтого кота //Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 43
37. ТиркишДжумагельдиев .Энергия страха, или Голова жёлтого кота. //Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 41
38. ТиркишДжумагельдиев. Новая история.//Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 64
39. ТиркишДжумагельдиев. Энергия страха, или Голова жёлтого кота. //Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 32

40. ТиркишДжумагельдиев.Сон.//Дружба Народов. №6, 2006 год, стр. 17
41. ТиркишДжумагельдиев.Энергия страха, или Голова жёлтого кота.
//Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 31
42. ТиркишДжумагельдиев.Энергия страха, или Голова жёлтого кота.
//Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 31
43. ТиркишДжумагельдиев.Энергия страха, или Голова жёлтого кота.
//Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 20
44. ТиркишДжумагельдиев.Энергия страха, или Голова жёлтого кота.//Дружба Народов, №4, 2011 год, стр. 29
45. Тихонов Э.В. Узбекская лексика в произведениях русских писателей Узбекистана. АКД. - Ташкент, 1970.
46. Тузов В.Г. Тюрко-русские сочетания. - Спб., 1989.
47. Тюркизмы в "Новом словаре русского языка". / Г.Н.Каримуллина // Итоговая науч. конф. студ. Казан, гос. ун-та 2003 г.: тез.- Казань, 2003.
48. Тюркизмы в русской лингвографии XVIII - XX вв.: семантико-функциональный аспект / Г.Н.Каримуллина // Учен. зап. Казан, гос. ун-та. Т. 149. Сер. Гуманитарные науки. Кн.2.- Казань, 2007.- с.272-278.
49. Тюркизмы в современных справочных и учебных изданиях / К.Р.Галиуллин, Г.Н.Каримуллина // Бодуэновские чтения: Междунар. науч. конф.: Тр. и матер.: в 2 т.- Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2001.- Т.2.- С.9-11.
50. Тюркизмы в учебных этимологических словарях русского языка / Г.Н.Каримуллина // VI Межвуз. науч. конф. студ.-филол.: тез. (7-11 апр. 2003 г., Санкт-Петербург). - Спб., 2003.- с.65-66.
51. Тюркские лексические элементы русского языка: компьютерный фонд (материалы словарей XVIII - начала XXI века) / К.Р.Галиуллин, Г.Н.Каримуллина // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: Матер. Всерос. Академ, школы-семинара.- Спб: Наука, 2005.- с.234-236.
52. Шанский Н.М. Современный русский язык. - М., 2005.
53. Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. - М., 2001.

54. Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. - М., 2006.
55. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 2007.
56. Щербак А.М. Названия реалий в тюркских языках. Сборник "Историческое развитие лексики тюркских языков". - М., 2001.
57. ТиркишДжумагельдиев. Энергия страха, или Голова жёлтого кота.//Дружба Народов. №4, 2011 год - стр. 14.
58. ТиркишДжумагельдиев. Энергия страха, или Голова жёлтого кота.//Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 19.
59. ТиркишДжумагельдиев. Энергия страха, или Голова жёлтого кота.//Дружба Народов. №4, 2011 год, стр. 23
60. А.Каушутув. Внук Мергена.//Дружба Народов. №6, 2011 год, стр. В.Серебров. Вкусный обед.//Звезда Востока. №1, 2005 год, стр. 159.
61. Л.Добромов. Воспоминание.//Звезда Востока. №2, 2006 год, стр. 28.
62. С.Асанова. Приём наследника на престол.// Дружба Народов.№5, 2005 год стр.114
63. Е.Пагиев. Над пустынею, гладкой, как щит.// Дружба Народо.№11,2008 год, стр10
64. К.Курбансахатов. Тойли Мерген. «Туркменистан» Ашгабад 1999.
65. Б.Кербабаев. Повести и рассказы. «Туркменистан», Ашгабад 1990.

Словари

66. Древнетюркский словарь. - 1969.
67. К.Атаев, В.Мескутов. Русско-туркменский учебный словарь. – М, 1995.
68. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. - М., 2006.
69. Этимологический словарь тюркских языков. Т. II. - М., 2000.
70. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Вып. I. - М., 2003.

Интернет ресурсы

71. <http://odrl.pushkinskiydom.ru>
72. [http/ lib.ugent.be](http://lib.ugent.be)

73. <http://www.gramota.ru>

74. <http://www.google.ru>